

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ДЕНИС ШАБАЛОВ
ПРАВО НА СИЛУ

FUTURE CORP.

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Сталкерами не рождаются – сталкерами становятся. А может – и рождаются тоже. Особенно когда глава твоего Убежища – полковник спецназа ГРУ, кругом – радиоактивные развалины, наполненные кровожадными мутантами, сосед норовит выстрелить в спину и каждый день приходится сражаться за жизнь. Свою. Своих близких. Друзей. Надеяться только на верный «винторез», испытанного в сотне передраг напарника и удачу. Платить за существование – патронами, а за ошибки – кровью. Вновь и вновь доказывать миру свое право на силу...

Право на эксперимент

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Когда мы решили не полагаться только на авторов с рекомендациями и открыть двери «Вселенной» новичкам, наши соображения не были исключительно альтруистическими. Дело было не только в том, что мы выбрали своей миссией осуществление мечтаний будущих писателей.

В таком решении был и другой резон: состоявшиеся авторы часто относятся к книгам, как к конструктору, собирают их из готовых элементов по вложенным в упаковку схемкам. В то время как авторы без опыта экспериментируют, пробуют, изобретают – просто потому что не умеют, не знают, как надо писать, как писать «правильно». Именно от этого часто первые книги получаются хоть и кривоватые, но живые, а следующие – гладкие и пластиковые.

Там, где шаблоны, нет правды. Где готовые решения, нет поиска. Где ремесло, нет творчества. И это проклятие всех профессиональных писателей.

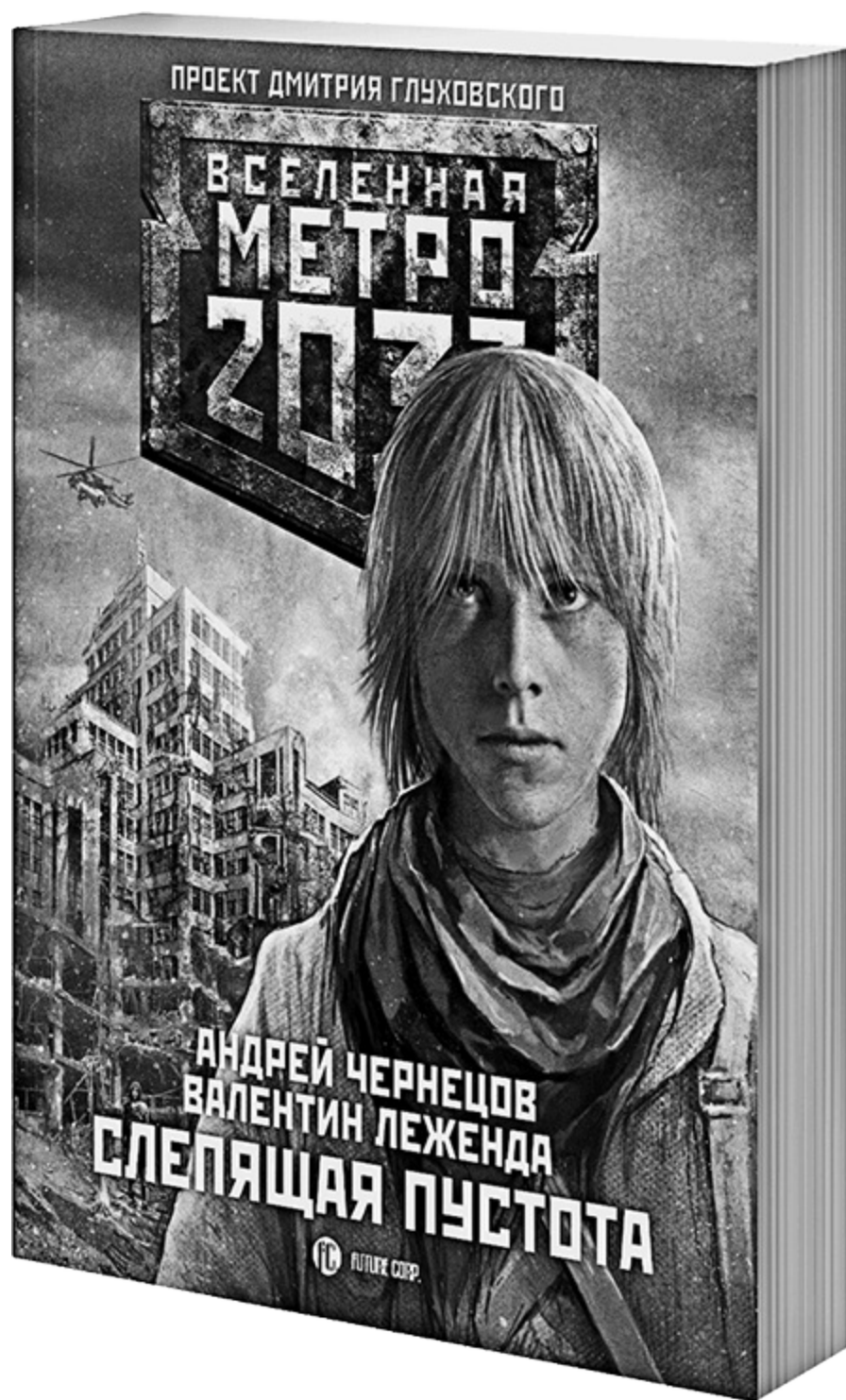
Денис Шабалов – следующая звезда из плеяды новичков во «Вселенной Метро 2033». И его первая книга хороша так, как может быть хороша первая книга. Неидеальна, шероховата, не выверена, спонтанна – да. Но с зашкаливающей энергетикой, правдивая и дышащая. С правом на жизнь.

Роман «Право на силу» – эксперимент не только для Шабалова, но и для нашей серии. Обычно мы открещиваемся от книг такого жанра – с главенствующей action-составляющей, оставляя его на откуп другим проектам. Но в какой-то момент приходит вопрос: а почему, собственно? Раз уж мы решили меняться, не повторять себя, раз мы решили всегда искать что-то новое, чтобы не закостенеть и не остановиться в нашем развитии – почему бы не попробовать опубликовать и настоящий крепкий action? Почему не пустить книгу о настоящих мужчинах? Вдруг она понравится не только мужчинам?

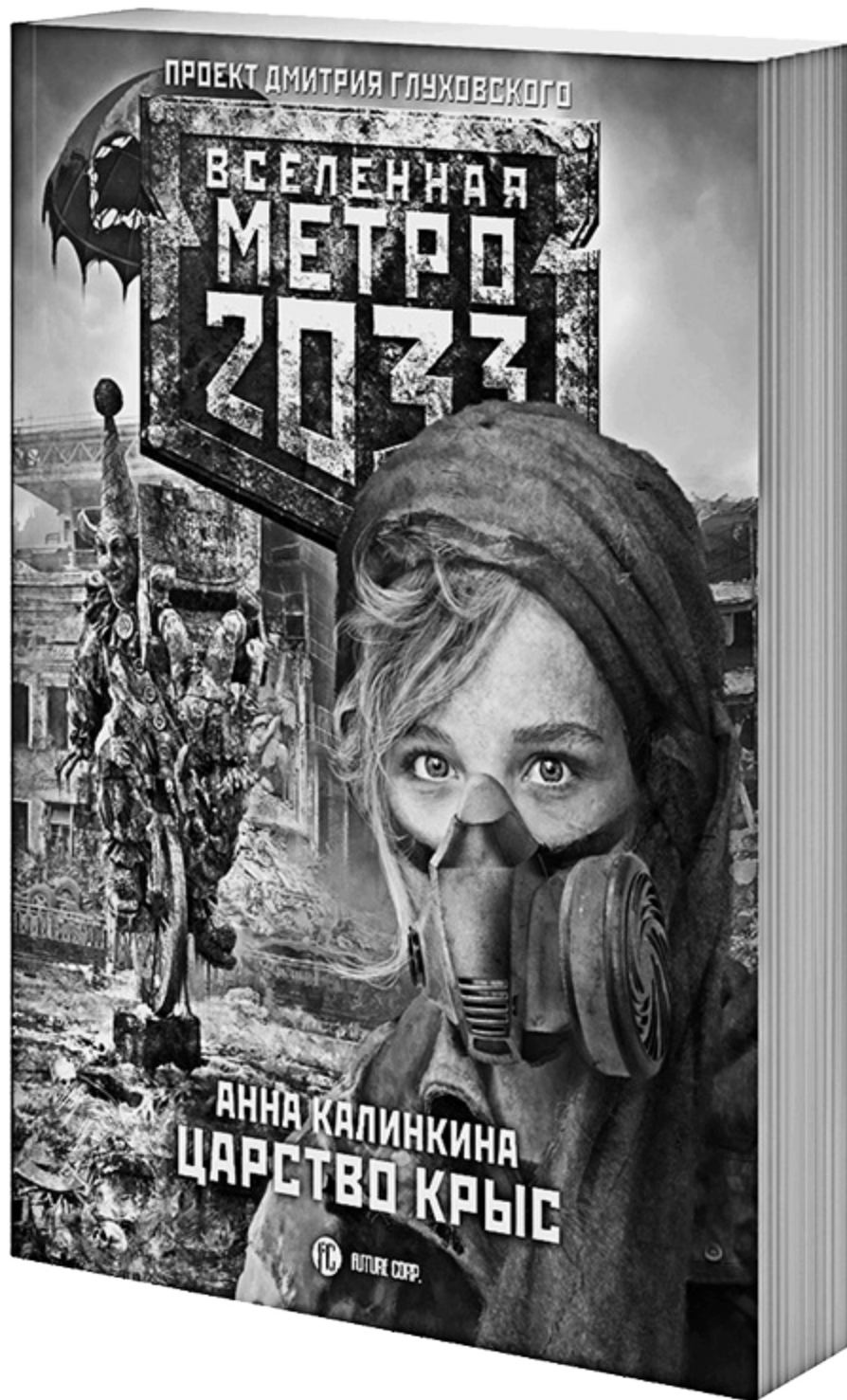
Боевики часто презирают. Но я это так понимаю: на самом деле важен не жанр, а талант автора. Можно написать блестящий action-триллер и увековечить себя. А можно раздувать щеки, пыжиться и родить нехороший роман, который якобы слишком серьезен и сложен для массового читателя, а на самом деле просто оставляет большинство людей равнодушными.

Мне кажется, «Право на силу» – крепкая книга. Но последнее слово – за вами.

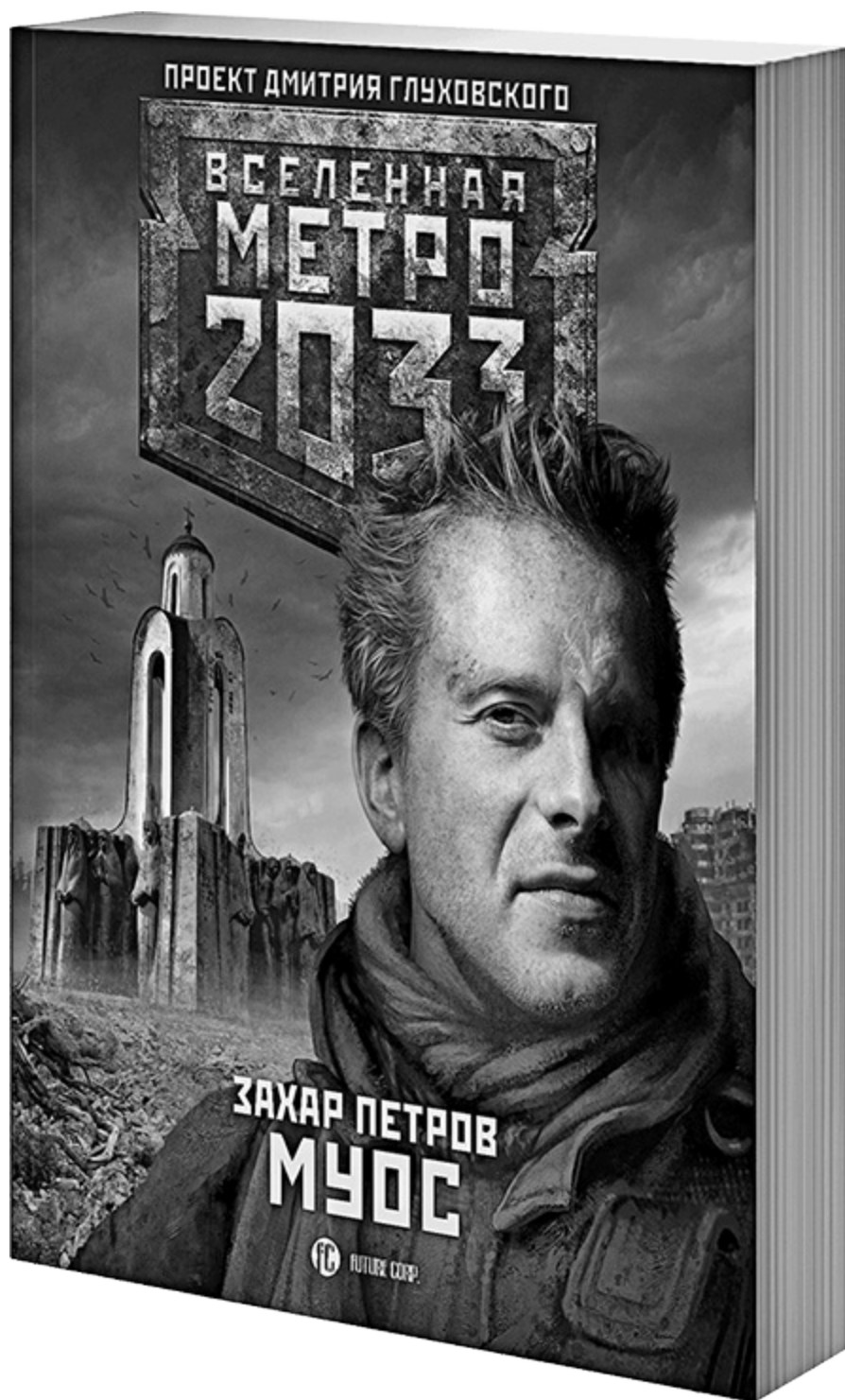
Дмитрий Глуховский

Харьков 2033 года – город, в котором все не так. Тут люди обитают на поверхности, а метро населяют сектанты, работорговцы и самые жуткие монстры. Тут правит загадочный Круг апологетов, а на улице можно встретиться с Железным Солдатом или ковбоем. И всем тут – апологетам и рейдерам, ваххабитам и членам Белого Братства, вудуистам и «Всадникам апокалипсиса» – вдруг позарез понадобился простой двенадцатилетний мальчик. Ведь от того, кто первым его отыщет, зависит будущее...

«Первая леди Вселенной Метро» Анна Калинкина возвращается к нам с новой историей! На этот раз – не про Ньюту, героиню «Станции и призрака», хотя она в этой книге тоже присутствует. И не про любовь, хотя и ей тут найдется место. Эта история о тех, кто поставлен за грань даже в жестоком мире Московского метро 2033 года. О безысходности и надежде. И – совсем чуть-чуть – о чуде. Итак, бывший царь природы свергнут. Теперь на обломках его империи воздвигнуто Царство крыс...

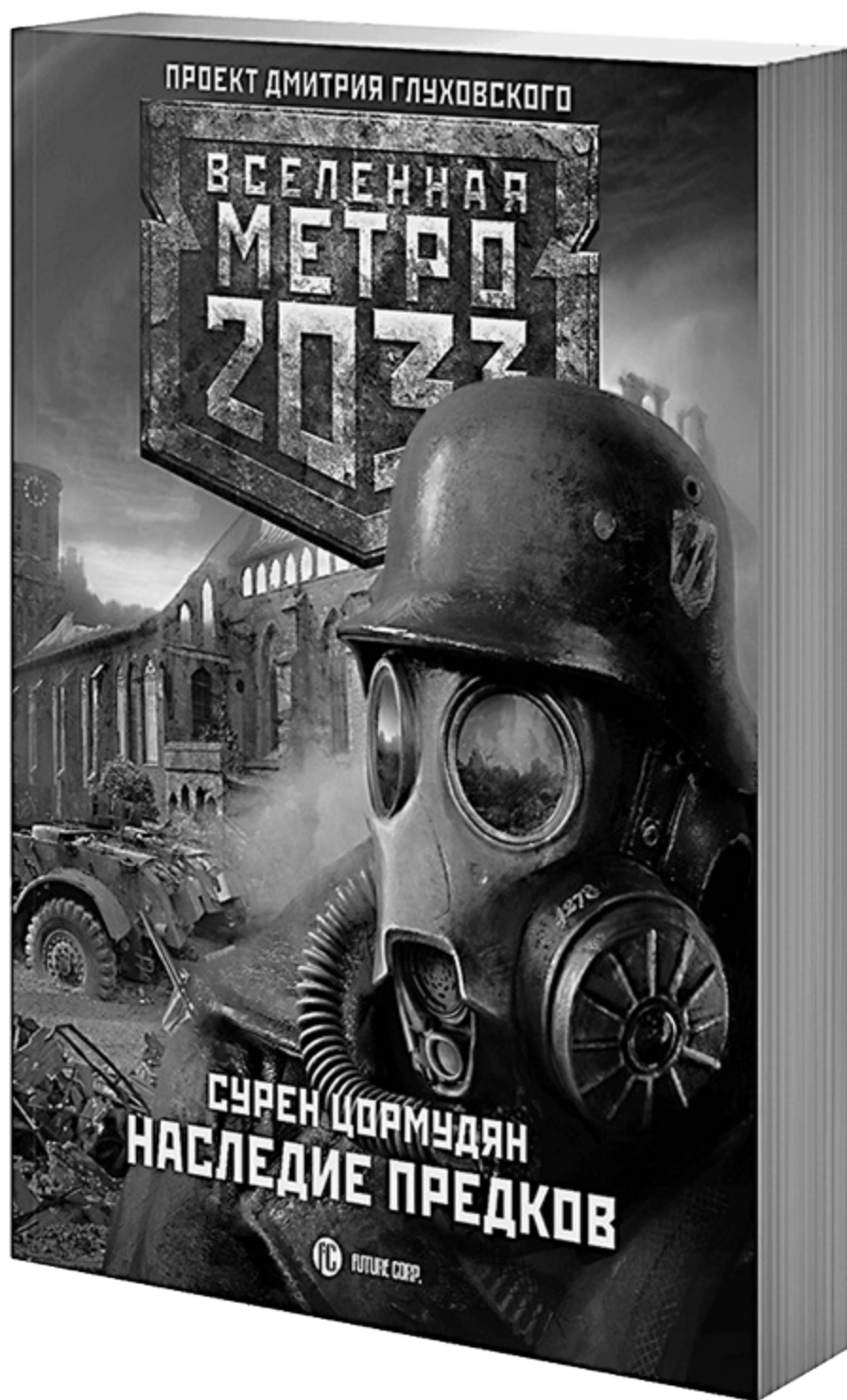

Это – «МУОС». Книга, которая стала легендой в Сети задолго до публикации.

Это – «МУОС». Книга о Минском метро. Горькая. Страшная. Светлая. Честная.

Это место, в котором дети слишком рано взрослеют, а молодые – гибнут. Место, которое надежда покинула навсегда. Место, в котором до сих пор верят в Чудо...

Вы ждали эту книгу очень долго. Теперь она перед вами!

Когда-то давно это была немецкая земля. Земля, обильно политая русской кровью во Второй мировой. Город-крепость Кенигсберг. Преддверие Берлина. Последний плацдарм, после взятия которого падение Третьего рейха стало неизбежным. Но даже когда отгремела Последняя война, загнавшая остатки человечества под землю, есть те, которым не дает покоя ужасное наследие предков. И во имя обладания этим наследием они готовы умирать и убивать...

По грязно-серой улице маленького городка, мимо пыльных коробок домов-призраков с крошащейся, осыпающейся от времени облицовкой и темными зловещими провалами окон, мимо разбитых, исковерканных и ржавеющих уже который год мертвых остовов автомобилей, мимо кренящихся на разные стороны столбов уличного освещения с оборванными и сиротливо покачивающимися на ветру проводами, двигался караван.

Тяжелые тягачи, рыча мощными дизелями, шли осторожно, нащупывая дорогу среди завалов мусора, фрагментов кирпичной кладки, выпавшей из стен домов, шифера, сорванного с крыш ветром.

Впереди, в боевом дозоре, двигался БТР, замыкал колонну «Тигр» с крупнокалиберным пулеметом на крыше, а по флангам сновали юркие квадрациклы с вооруженными до зубов седоками – путешествие по необъятным просторам некогда великой и могучей державы вот уже который год было небезопасно. Охотников пощупать мощну караванщиков могло бы найтись предостаточно, не имей они столь внушительных средств защиты своего имущества.

Торговля являлась серьезной статьей доходов организации, к которой принадлежал караван, однако в этот раз он пришел в город не ради торговли. В кузовах тягачей не имелось ничего, предназначавшегося на продажу, хотя то, что лежало в зеленых ящиках с разноцветной маркировкой, было теперь, пожалуй, самым ценным и ходовым товаром на просторах фонящей радиационными развалинами страны. Оружие и патроны, тяжелые бронежилеты и шлемы, средства индивидуальной защиты и снаряжения – всего этого в запасах каравана имелось вдоволь, но за продажу хотя бы одного-единственного патрона следовало немедленное и жестокое наказание – внутри организации соблюдалась строжайшая дисциплина.

Гарант соблюдения ее, человек, от слова которого в караване зависело все, ехал в замыкающем автомобиле. Тяжелый взгляд, упрямые складки на лбу, опущенные к подбородку уголки рта – все свидетельствовало о том, что характер он имеет решительный, суровый и непреклонный. Да и каким еще мог быть командир Первой Ударной бригады Берегового Братства, бригады, решавшей те задачи, что были не под силу остальным подразделениям группировки?

А задачи были поставлены серьезные, и поставлены они были самим Верховным, лично, а потому выполнить их необходимо было любым способом – цель, в данном случае, в полной мере оправдывала средства.

– До конечного пункта пойдешь не прямо. Сделаешь крюк, координаты возьмешь в штабе, – сидя в кабинете Верховного, один на один, получал указания человек. – Есть там одна... общинка. Не знаю, живы ли сейчас, или вымерли давно – ты проверь. Передохли – туда и дорога. Ну а нет... – Верховный тяжело поднялся с массивного стула красного дерева, опираясь побелевшими костяшками пальцев о зеленое сукно стола, – поможешь. Качественно поможешь. Всех под корень, чтобы ни единой души не осталось. Понял задачу?

Человек вскочил, вытягиваясь в струнку под мрачным взглядом, бросил руку к козырьку. Верховный кивнул.

– Выполняй. И вот еще что... сделаешь – место моего зама тебе гарантировано. Не сделаешь... – взгляд его потяжелел, – ты все знаешь сам.

Человек знал. Невыполнение боевого приказа в Братстве каралось жестоко и

беспощадно. Смертью. А тут – указание Самого! Ответственность огромная, но и поощрение в случае успеха – небывалое.

Верховный всегда действовал одновременно кнутом и пряником. Тонкий психолог, он понимал, вероятно, что человека нужно поставить перед выбором. Либо ты лезешь вверх, к вершине, – либо падаешь вниз. Третьего не дано. Ибо если ты выберешь третий путь – тихую, спокойную, растительную жизнь без борьбы, без стремления карабкаться в своем развитии все выше и выше, – ты уже не будешь полезен Бригаде. Под лежащий камень вода не течет.

Человек был согласен с этим мудрым изречением. И он нисколько не сомневался, что поставленные задачи были ему по плечу, – ведь именно на таких задачах и специализировалась Первая Ударная.

Выполнить приказ – и получить заслуженную награду.

Любой ценой.

Иного выхода у него просто не было.

И потому караван пришел в город.

Убивать.

Глава 1

Гости

Утро выдалось хмурое.

Данил сидел в своей обычной засидке, на вокзальной башенке с часами, поглядывая то на пытающееся пробиться сквозь пепельно-грязные тучи восходящее солнце, то на прилегающую к вокзалу площадь. Прохладный пасмурный день – удача. Жаль только, не для него – смена заканчивается. Не больно-то летом посидишь в ОЗК и противогазе под палящими лучами солнца, когда температура порой достигает сороковника. Демрон^[1] бы, в нем не так душно – да Родионыч с самого начала запретил Додону их выдавать. Демронов – пяток на все Убежище, а чтоб купить такой в личное пользование, это надо вагон пятерки или семерки^[2] на бартер поставить. Да еще и хрен найдешь, буржуйские-то костюмы.

А в ОЗК что ж... духота. Хоть и оборудован каждый схрон небольшим навесом, да толку от него... Воздух раскаляется уже к обеду, вот и сидишь весь день в резине, как в бане. По всему телу, начиная с головы, в течку течет, и никакие потосборники в виде комка под защитным комбинезоном не помогают. Снять хотя бы противогаз, подставить ветру лицо, чтоб пот обдуло, – так нет же. Радиация.

В летние месяцы из-за таких вот банных дней Данил терял килограммов десять веса, худея аж до пятидесят четвертого размера, – все с водой уходило. Правда, рельеф становился – загляденье! До мелкого кубика, до волоконца... Иришка с Ольгой как дикие набрасывались! Данил плотоядно ухмыльнулся, припомнив некоторые подробности таких ночей. Дикие-то дикие, однако – тяжело. Утром после суток спускаешься, бывает, домой – а в ОЗКашных чулках-бахилах хлюпает так, будто по болоту шлепаешь.

И ведь не поделаешь ничего, дежурство есть дежурство. Боевой пост не оставишь. Отойди-ка хоть на минуту – а ну как в это время псы нагрянут? Или выродки? Или еще кто похуже! Выскочит из-за насыпи со стороны промзоны стая рыл эдак в двадцать – и во все лопатки к вокзалу чешут. Тут уж не зевай!

Раньше их с дальнего расстояния «калашами» выбивали, но со временем эти ублюдки умней стали и проворнее в разы. Теперь их чаще всего не то что из «калаша» не выцелишь, а и из снайперки не вдруг возьмешь. После того, первого раза, когда стая все-таки добралась до защитников Убежища и порвала троих бойцов, Родионыч тушенки с солярой не пожалел, но сторговал у войсковых четыре огнемёта и огнесмеси несколько емкостей. Принципиально брал не «Рыси»^[3] и не «Шмелей»^[4], а старой, еще советской послевоенной разработки, станковые огнемёты ТПО-50. Таких на складах у войсковых штук десять хранилось в разном состоянии исправности. И стреляли они не капсулами с напалмом, как современные, а плевали огненной струей метров на сто пятьдесят. С тех пор проще стало – прорвавшихся собак ожидал поистине горячий прием, одним залпом выжигавший до половины стаи.

Башенка возвышалась над вокзальной крышей на добрых три метра, из-за чего площадь и все подходы к зданию лежали как на ладони. Когда-то вся она была усыпана крупными бетонными обломками, прилетевшими во время бомбежки со стороны заводской промзоны, и за этими обломками одно время приноровились прятаться не только псы, но и мутанты покрупнее. Потом ее расчистили – ценой жизни двух человек, – и теперь держать охраняемый сектор стало не в пример легче. Сиди себе, поглядывай на насыпь да на

развалины. Начнись вдруг атака, времени навалом – много ли его нужно, чтоб подхватить «калаш» либо ВСС, на выбор, и организовать встречу с распростертыми объятиями? Пару мгновений, не больше. К тому же, опасными были только два направления: с запада, со стороны промзоны, и с востока, со стороны города. С юга практически вплотную к площади подступали разросшиеся заросли сирени, преодолеть которые без костюма с системой дыхания замкнутого цикла не представлялось возможным, а северную часть облюбовал гигантский хищный выюн, раскинувший стебли метров на тридцать и полностью скрывший под собой небольшое здание автовокзала. Да и огневой мощи для защиты хватало: по углам «Корды» – пулеметы калибра 12,7 мм – ну а если уж совсем кисло, то с первого этажа огнеметы или КПВ^[5] поддержат. С этими вообще шутки плохи, четырнадцать миллиметров – это вам не хухры-мухры, практически маленькая автоматическая пушка. Если пуля попадет даже в конечность – отрывает напрочь. Правда, Родионыч запрещал садить из них по мелкой цели – запасных стволов и патронов было с гульки хрен, и даже у войсковых не расторгнешься, берегут.

Данил в очередной раз оглядел охраняемый сектор, особенно внимательно присматриваясь к железнодорожной насыпи метрах в ста от вокзала и развалинам заводоуправления за ней. Чисто. Солнце по-прежнему пряталось за тучами, причем куталось в них все основательнее – похоже, будет дождь. Сегодняшней смене основательно фартило.

«А вчера-то днем эх и пекло! Начало лета – а жарит не по-детски, будто не Среднее Поволжье, а какая-нибудь Южная Калифорния, – Данил внутренне усмехнулся своим мыслям. – Это если здесь теперь такая жара стоит, то чего ж у них в этой самой Калифорнии творится, будь она неладна? Не только ведь нам досталось, им, поди, тоже не сладко пришлось. “Сатану” хваленым ПРО не больно-то остановишь, а ведь до Начала еще и “Икара” начали разрабатывать...»

Такая аномальная жара, не свойственная Средней полосе России, установилась после Начала не сразу, постепенно. Люди гадали, в чем причина, и одной из самых распространенных гипотез был парниковый эффект и дыры, пробитые термоядом в озоновом щите планеты. Раньше, в первые годы, небо было затянуто серой мутью, светился один только тусклый красный солнечный шар. В воздухе висел не осевший еще после бомбежки пепел. И хотя ядерной зимы, которую когда-то предрекали яйцеголовые, так и не случилось, температура на поверхности в летние месяцы редко поднималась даже до десяти градусов, о чем свидетельствовали термометры, расположенные у внутренних гермодверей Убежища. Хотя, в то время из Убежища и носу не казали. Не до того было. Да и боялись – дико ведь наверху, бесприютно. Тоскливо. Радиация опять же. Без защиты и нескольких часов не протянешь, а в Убежище и было тогда всего-то с десятков ОЗК да пяток блатных однослойных демронов. Это потом уж, когда приперло, выползать потихоньку начали...

Мирное течение мыслей прервал прилетевший снизу, с крыши вокзала, камешек. Данил еще раз оглядел местность и, перегнувшись через мешки с песком, глянул вниз.

– Эй, на башне! Смена пришла! – внизу стоял Ван Ли в своем подростковом комбинезоне. – Заждался?

– Поднимайся.

В свое время китайцу пришлось основательно потрудиться, чтоб достать комплект ОЗК по фигуре. В Убежище защитных комбинезонов первого роста не имелось, и у войсковых тоже на обмен не нашлось. Пришлось заказывать барыге из проходящего мимо торгового каравана. Заказал-то летом, а потом еще полгода ждал, когда караван назад пройдет. Во

втором росте китаец путался, чертыхаясь и приходя в бешенство, смеша окружающих и подрывая боеготовность смены. Из-за этого порой даже бывало, что его не ставили в дежурство, а это наносило по семейному бюджету Счетчика ощутимый финансовый удар – детей трое да три жены. Поди-ка прокорми. Уж как он тогда молился, чтоб ОЗК от барыги подошел, – не описать. И Христу и Будде своему. И Аллаху, наверное, тоже. Может, еще и Шиве какому-нибудь... И – повезло. ОЗК оказался чуть великоват, но это в плюс пошло – зимой была возможность лишний телогрей под бушлат натянуть. Зимы нынешние тоже не подарок – до минус сорока.

Пока Ли поднимался, Данил собрал свой скарб, разложенный по нишам в бруствере из мешков: три запасных рожка к «калашу», один к «Винторезу»^[6], две ребристых «эфки»^[7], бинокль, ночной монокуляр и противорадиационную аптечку. Рассовал все по карманам в разгрузке, подхватил «калаш» и ВСС, повесил винтовку за спину, автомат – на грудь. Ничего не поделаешь, порядок такой. Сталкерам, чьи боевые посты находились на поверхности, «Регламентом караульной службы», разработанным полковником Родионовым лично, предписывалось обязательно иметь на посту кроме казенного ствола еще и личное оружие, у кого оно имелось. Хотя какой же ты сталкер без личного-то ствола? Его ж, ствол этот, кровью порой добывают. Потому Данил всегда кроме огрызка^[8] носил свой ВСС да еще «Пернач»^[9], в кобуре на бедре. Хотя и пользовался винтовкой достаточно редко, предпочитая в случае форс-мажора палить из «калаша» – «девятый» боеприпас был дефицитом даже на складах у войсковых, в отличие от «пятерки» или даже «семерки». В его личных закромах этого патрона оставалось всего-то шпук сорок СП-5^[10]. Вановская винтовка в таком вот случае была гораздо практичнее – «семерку» можно было достать без проблем. Опять же – гарантийный ресурс, что тоже немаловажно. Пять тысяч выстрелов из «Винтореза» – и это при регулярной чистке оружия – против десяти тысяч выстрелов из «калаша». Есть разница? К тому же, на практике, если за «калашом» следить и чистить так же регулярно, то он и двадцать тысяч осилит. И хотя Данил отстрелял пока что-то около тысячи патронов, винтовку он все же старался беречь.

Китаец появился, сияя сквозь круглые стекла противогаза, как медный чайник. Казалось, у него даже противогаз улыбается, дружелюбно помахивая хоботом, как маленький цирковой слоник.

– Здорово, Добрыня! – Ли снял с плеча винтовку и решительным движением утвердил ее на мешках.

Это движение всегда вызывало у Данила приступ гомерического хохота, который он душил в себе всеми силами, чтоб не обидеть китайца: Ван, сам маленький, был чуть ли не одного роста со своей пушкой. Ну не шутка ли – СВД длиной метр двадцать и ее хозяин, ростом метр пятьдесят пять. И когда он с серьезным видом пристраивал свою базуку в амбразуру среди мешков – это было что-то... Убийца, мля... Хотя, надо признать, Счетчик был снайпером от бога.

– Здоров, Ванюха! – Данил в последний раз оглядел площадь, давя рвущийся наружу ржач. – Ну че, похоже, повезло тебе сегодня...

Ван зажмурился и закивал, от чего хобот противогаза затрясся еще сильнее.

– Дождя бы еще... Ладно, иди, тебя там уже вся смена дожидается.

Данил кивнул и, придерживая винтовку, по узенькой лесенке, ведущей на башенку, полез вниз.

Сашка – лучший друг – вместе с семьей бойцами сменяющегося с ночного дежурства наряда ждал в подвале около гермодвери. Дежурил он обычно на первом этаже за одним из двух установленных там КПВ на колесных станках, так что за обороноспособность первого этажа Данил был спокоен. Он наблюдал однажды, как Сашка один, в течение нескольких минут, которые понадобились ГБР^[11], чтоб упаковаться в ОЗК и подняться из Убежища, держал центральный вход в вокзал, кроша наплывающие орды собак буквально в капусту. Сбившись в плотную свору, псы рвались ко входу, и Сашка бил прицельно короткими очередями, чтоб не перегревать ствол. Крупнокалиберные пули без особых усилий проходили сквозь несколько собачьих тел разом, раздирая их в клочья, пробивая головы и отрывая конечности. В тот раз у мутантов что-то очень уж сильный гон был, а может, напугал их кто, но когда после боя подсчитали покровленные тела, количество переваливало за сотню...

– Ну ты че, Дан, долго тебя ждать-то?! Спать же охота!

Остальные поддержали его укоризненным гулом.

Данил отмахнулся, хотя и понимая справедливость претензий. Спать после суток караула действительно хотелось, а по Регламенту вход и выход из Убежища допускался только всей сменой в полном составе. Если, конечно, не случилось какого форс-мажора и обошлось без потерь. И правильно: в ситуации, когда на поверхности все фонит «гаммой»^[12], открывать и закрывать лишний раз герму было просто-напросто вредительством. А за вредительство полагалось суровое наказание.

Раньше в Убежище из подвала здания вокзала вели три параллельных, изолированных друг от друга тамбура, снабженных внешней и внутренней гермодверью каждый. Но после того, как нужда стала выгонять обитателей на поверхность, конструкцию пришлось менять – оказалось, что тамбуры не дают достаточной защиты от приносимой на защитных костюмах радиационной пыли. Ну, снимешь ты комбинезон в тамбуре... Но все равно же потом внутреннюю герму откроешь. А тут уже жилое пространство. И пыль с лежащего в тамбуре ОЗК попадает прямиком сюда. Вот так и нанесли на первый уровень всякой дряни. А кроме того – его же, комбинезон этот, после выхода наверх чистить надо! А где? Видимо, не рассчитывали при проектировке и строительстве, что люди будут туда-сюда шастать, помещения для чистки и обеззараживания не предусмотрели. Так и пришлось из трех внешних гермодверей оставлять только крайнюю правую, из трех внутренних – крайнюю левую, а из тамбура в тамбур долбить проходы и ставить в них гермодвери, снятые с некоторых других помещений первого уровня. Теперь первый тамбур предназначался для первичной очистки ОЗК, оружия и всего остального, что приносилось с поверхности. Человек становился под душ прямо в костюме, смывая на бетонный пол радиоактивную уличную пыль, затем снимал ОЗК, одежду и, оставляя все это вместе с оружием на полу, переходил во второй тамбур. Здесь уже мылись сами, и кроме того, второй тамбур был предназначен для более глубокой очистки и обеззараживания. В третьем же сидела добрая бабушка, которая выдавала твою же одежду, снятую и сданную на хранение перед выходом на поверхность. Оставленное оружие и ОЗК – если это были личные вещи – боец обязан был, приходя к эрхабезешнику, чистить сам. Казенное чистили специально назначенные Додоном люди. Вот так, все просто и эффективно.

– Слышал новость? – Сашка взял приставленную к стене у двери арматуру, стукнул в герму условным стуком. – Вчера дядька Герман дежурил. Так вот, он говорит, будто со стороны войсковых сигналка желтая была. Под утро, в самую собачью смену. Чтоб, значит, не заметили – дозорные-то носом обычно в это время поклевывают...

– И что, – Данил пожал плечами и шагнул в открывшуюся дверь. – Войсковые частенько чудят. Помнишь, как они войну затеяли несколько лет назад? Палили с той стороны, будто на них стая псов налетела. А когда к ним группу на разведку отправили – оказалось, что часовые просто «Тарена»^[13] из аптек пережрали, вот и плющило их не по-детски. Как они с такой-то дисциплинкой живы до сих пор – непонятно.

Сашка хмыкнул.

– Помню, было, – осторожно стягивая, чтоб не поднимать лишней пыли, чулки от ОЗК, в разговор встрял Михалыч, старший смены. – Они тогда еще на отходняке чуть всю разведгруппу не положили. Тимоха мой старшим шел. Говорит, если б они со стороны ворот заходили, а не с переулка – всех бы положили. А так – все ж успели наши в проулок обратно нырнуть, отойти.

– А помнишь, как Родионыч потом ихних торгашей две недели не подпускал? Материл почем свет. Я от него таких словесных построений раньше и не слышал никогда, – залыбился Сашка. – Уж они и так и сяк подъезжали, и цены даже сбросили – а он ни в какую.

– Что ж ты хочешь? – Михалыч пожал плечами. – Вояки тоже жрать и пить хотят. И соляра им тоже нужна. Откуда им еще брать-то, как не у нас? Караваны-то редко ходят, с них не прокормишься.

Оставив ОЗК на полу, сталкеры перешли во второй тамбур. Здесь было сыро, из леек, расположенных в один ряд под потолком, капала вода. После душной резиновой мути ОЗК и противогазов, тамбурная прохлада действовала резко освежающе, аж спать расхотелось. А от ледяной воды, полившейся из леек, сон вообще прошел, как и не было.

– Так что там с сигналкой-то? – Данил включил воду и не без дрожи ступил под обжигающую холодом струю. – Э-э-эх! Хороша!

– Да чего... – Сашка тоже взвизгнул, ныряя под душ. – Герман сразу Родионычу доложил. Чего уж там наш полковник порешил – Герману не сказал. А потом мы в смену ушли, так что я тоже ничего не знаю. Мож сегодня к вечеру чего известно станет...

Пройдя третий тамбур и получив у дежурившей сегодня Петровны чистую одежду, бойцы вышли на первый уровень и, не задерживаясь, двинулись к отсеку с лестницей на второй.

На первом уровне практически никто не жил. Тогда, прежде чем обнаружили, что из тамбуров в помещение попадает радиоактивная пыль, прошло довольно много времени, и фон в жилище успел повыситься на порядок. Однако с этой проблемой удалось справиться – людей переселили на нижние, более заглубленные уровни, где радиация с верхнего уже была не страшна. Верхний же обработали деактивирующими жидкостями – тогда на складах их еще имелось в достатке. Радиационный фон резко снизился, но и та половина рентгена, что показывал счетчик Гейгера, могла основательно подорвать здоровье людей, вздумай они жить здесь без защиты долгое время. Теперь уровень был практически необитаем, здесь находились лишь бытовые и служебные помещения, типа дизельной, оружейной комнаты или Малого спортивного зала, да всякие склады для непищевых продуктов. Кроме того, тут, в отсеке, расположенном недалеко от входных тамбуров, дежурила ГБР в составе девяти человек – а ну как на поверхности форс-мажор? Словом, первый уровень использовали теперь для относительно кратковременного пребывания. А еще – в некоторых отсеках жили те, кому радиация была уже не страшна. Мутанты.

В условиях радиационного загрязнения очень трудно бывает остаться чистым, не хватануть дозу хотя бы в десяток-другой рентген. Здесь в большинстве своем жили те, чьи

родители в свое время подверглись облучению той или иной степени тяжести. Нет, их не изгоняли из общества, не выселяли со второго или третьего уровней – там тоже жило достаточно мутантов. Они также имели свободный доступ ко всему Убежищу, и никто уже не косился на них и не призывал уничтожить выроdkов, как лет десять – пятнадцать назад, когда мутации были практически единичны. Просто жили тут те, кто уже не мог существовать в абсолютно чистом, не загрязненном излучением пространстве. Минимальный фон требовался им для жизни так же, как воздух или вода для обычных людей. В условиях радиационного излучения они чувствовали себя отлично, и некоторые могли кратковременно без вреда для себя выдерживать дозы, от которых простой человек получил бы лучевую болезнь третьей-четвертой степени. Пробыв же вне радиационного фона хотя бы пару часов, большинство из них начинали жаловаться на приступы тошноты, слабость, судороги и головокружение.

Вообще, среди населения Убежища мутантов насчитывалась чуть ли не пятая часть. В большинстве своем это были дети, и с каждым годом таких детей рождалось все больше и больше, хотя, надо признать, не только с негативными, но иногда и с чисто позитивными мутациями. Нередки были, например, мутации, позволяющие человеку видеть в темноте гораздо лучше обычных людей, или мутации, делающие носителя на несколько порядков крупнее и сильнее простого человека. Еще был парень, который, словно радар, засекал любое движение на изрядном расстоянии вокруг себя. Его так и звали – Славка-Локатор. А другой, безо всякого дозиметра, мог определить степень радиоактивного заражения с точностью до десятой доли рентгена. Конечно, такие удачные мутации были достаточно редки, в основном за те или иные дополнительные возможности организма приходилось платить, и плата эта иногда бывала слишком высока.

Второй уровень еще спал. Спустившись по винтовой лестнице, сталкеры попрощались и разошлись, направляясь каждый к своему жилому отсеку, – после бессонной ночи все-таки следовало отдохнуть хотя бы часика четыре. Завтра опять на сутки в дежурство, в ГБР – а там уж как повезет. Если тихо-спокойно – спи себе, хоть опухни. А ну как тревога? А мы не спамши! Много ли навоеуешь?

Жилой отсек Данила представлял собой комнатку пять на три, с отгороженной у входной двери маленькой прихожей. Начиная с четырнадцати лет Данил в этом закутке помещаться перестал, задевая широченными плечами то вешалку с одеждой, то шкаф с камуфляжкой, то сейф с оружием. Раньше, в дополнение к падающей вешалке, на него сваливались сушащиеся на веревке под потолком носки, труселя или дедов комок^[14]. Потом, когда дед погиб в стычке с войсковыми, с этой веревки частенько стали падать трусики и бюстгалтеры или колготки с чулками. Это в зависимости от того, кто сушил белье: Иришка, старшая жена или младшая, Ольга. Вот и сейчас, стоило Данилу прикрыть дверь и выпрямиться, как шею тут же опутали две черные, свисающие сверху нейлоновые змеи, а в дополнение на голову свалился красный лифчик. Данил чертыхнулся. Вроде и не такой высокий, даже до метра восьмидесяти не дотянул, а поди ж ты. Потолки, что ли, в отсеках низкие... Лампу, пока раздевался, не включал – оставил приоткрытой дверь, чтоб в щелочку из коридора проникало хоть немного света. Разоблачаясь как можно тише и стараясь не разбудить зайцев – так он про себя называл жён, жутких трусих, – Данил снял старенький, затертый до невозможности комок, закрыл дверь, нащупал в темноте кровать и нырнул под одеяло.

Многоженство вошло в быт Убежища хоть и постепенно, но как-то прочно и основательно. Не вошло даже, а вдвинулось, словно ледокол. Борьба с мутантами поверхности выбивала из рядов защитников то одного бойца, то двух, а то и сразу пять-шесть человек. Хотя и, слава богу, такое происходило достаточно редко. Да еще, плюс к тому, в самом Начале почему-то вышло так, что женщин в Убежище попало гораздо больше, чем мужчин. И теперь на сотню с небольшим взрослого мужского населения в Убежище приходилось почти три сотни женщин и детей. Кормильцев на всех катастрофически не хватало. Минимальный паек конечно же получали все работающие, но долго ли продержится человек, получая полкило сушеных грибов и сто граммов сахара в день? Справедливости ради, конечно, надо отметить, что вешенка – гриб питательный и такого пайка вполне достаточно для нормального, не полуголодного существования, особенно если супчик заварить, – но все ж не вечно эти грибы жевать. Хотелось и крупы поесть, и макаронек, и сгущенкой иногда себя побаловать, и тушенки отведать. И молочко сухое, которое строгая Коробочка выдавала только на детей до трех лет, за патроны все ж таки можно было достать... У тех же караванщиков, например. Они охотно принимали в уплату за свой товар не только золотишко или камушки, но и патрон, ставший после Начала основным средством купли-продажи. Золота и камней в Убежище отродясь не бывало, а вот патрон водился, и получали его только за работу, связанную с обеспечением безопасности жилища, мужскую работу. Некоторые женщины, было дело, пытались попасть на поверхность в охрану, но полковник, с самого начала решивший, что сложившемуся общественному строю больше всего подходит многоженство, гнул свою политику и женщинам выдавать оружие категорически запрещал. Получается – где взять? Одно дело, когда муж есть, в дежурства ходит, и «пятерка»-«семерка» в доме не редкий гость. Еще лучше, когда муж – сталкер. У этих патроны вообще не переводятся – то одно с поверхности притащат, то другое... Третью, конечно, в общую казну, как уж повелось, а остальное либо караванщикам загонят, либо войсковым, либо Коробочке на склад сдадут – вот и зазвонят «маслинки» в семейном бюджете. Риск, конечно, но, как гласит сталкерская поговорка: кто не рискует – тому тушенки не видать. А если одна, да с ребенком на руках? Где выход? Конечно, что-то продать можно, если имеешь за душой. Но, обратно же, постоянно продавать не сможешь, рано или поздно придется садиться на подсос, с родителей тянуть. Или – на стандартный паек. Ну а ребяенок как? Ему же не объяснишь, что раз папку убили – прощай сытая жизнь и здравствуй полуголодное существование. Он и шоколадку хочет, и сгущенки, и еще какое лакомство погрызть...

Да ладно патроны, еда! А инстинкты?! Если девке уже возраст подходит, а вокруг мужики да парни все сплошь заняты? Что ж теперь – век одной куковать? Если – хочется? Любви хочется, романтики, семьи, ребенка, простого секса, наконец! А бабы-то замужние – ох и следят за своими! Как коршуны на конкурентку кидаются, несколько раз чуть до убийства не доходило! Налево ведь поначалу многие мужики бегали. А чего ж не бегать, если любая свободная с радостью в свою постель пустит? Некоторые вообще приноровились: то к одной нырнут, то к другой – распутство, короче, самое натуральное. И где выход? К войсковым уже не уйдешь, как раньше бывало, у них тоже полный комплект, да и жизненное пространство ограничено. Куда податься-то?

Начало положил сам полковник, взяв в свою семью жену и сына погибшего в одной из заварух товарища. Это послужило толчком, примером для остальных. Да к тому же не все в Убежище христиане оказались, было несколько человек, кто ислам исповедовал с его многоженством. Эти тоже пример подали. Нет, женщины, конечно, воевали поначалу. Ох и бесились! Даже общее собрание свое, чисто женское, как-то устроили. Заседали на третьем уровне в Зале Совета и, главное, чего учудили – мужиков повыгоняли и дверь заперли между вторым и третьим уровнем. Те в недоумении и растерянности стояли перед этой дверью, не зная что предпринять. Пришел Родионыч, постоял, посмеиваясь, посмотрел на скучившихся товарищей:

– Что, воюют бабы-то?

Кормильцы молчали, чесали затылки.

– Не ссы, мужики, бабы у нас не глупые. И жалостливые. Поймут...

И точно. Заседали полдня. Собирались – все бешеные, злые, орастые, а назад выходили спокойные и какие-то... покладистые. Благостные. Умиротворенные. Выбрались – и смирились. Мужики поняли, что буря миновала.

С тех пор так и повелось – моногамия стала таким же редким явлением, как ранее полигамия. Да и сами женщины постепенно признали, что так и хозяйство проще вести, и детей растить. Даже, в конце концов, просто мужа с дежурства ждать вдвоем-втроем как-то легче. И уж нормальным явлением стало, когда боец, уходя на поверхность, в тамбуре перед гермодверью отводил товарища в сторону и говорил:

– Ты там это... если чё... ну... о моих позаботься уж, лады?

Единственный, кто поначалу был против многоженства, – отец Кирилл. Как же – свальный грех! Блудодейство! Христианством строжайше запрещено! Однако и он – умный человек – вскоре понял, что иного выхода нет, и не стал придерживаться догм. К тому же со скрипом, но признал, что в Ветхом Завете не единожды приводятся примеры полигамных браков. Ламех, потомок Адама в шестом поколении, имел двух жен – Аду и Циллу. Двух жен – Рахиль и Лию – имел внук Авраама Иаков... Но самым большим женолюбием прославился сын Давида царь Соломон, у которого, как сообщает Библия, было семьсот жен и триста наложниц. Хоть и праведником слыл – а поди ж ты... Конечно, Ветхий Завет прямо не разрешал двух жен... но и не запрещал, вроде... Короче – слаб человек, и Бог его слабость терпит. Ну а раз уж Бог терпит, то и отцу Кириллу роптать не след. Потому, когда к нему пришел Данил и сообщил, что в дополнение к Иринке берет второй женой Ольгу, – ничего не сказал, вздохнул только, но брак зарегистрировал. А куда деваться? Все Убежище уже знало о том, что случилось с Серегой...

Сергей погиб по глупости. Самый младший он был в их тройке и самый гонористый. Молодость в заднице играла, выпендрож в голове. Несколько лет назад, когда группа ушла в достопамятный рейд за витаминами – в Убежище тогда началась нешуточная эпидемия цинги и Айболит спешно услав сталкеров в ЦРБ^[15], – полез Серега туда, куда не надо. Вопреки приказу полез, хотя отлично слышал, как Данил орал, чтоб стоял на месте. Ну и попался – в щели той, куда он лез, надеясь проникнуть в здание больницы, сидел горыныч. Выскочил, хватанул за голову и в щель утащил, напарники даже дернуться не успели. И тело тогда достать не удалось – щель уходила глубоко, да вдобавок изгибалась так, что мутант, оставаясь за укрытием, мог бить своими щупами, не вылезая из-за угла. Лезть – себе дороже. Ариец сунулся было – и его чуть не затащил, да вдобавок еще и плюнул вдогон. Хорошо не попал – слюна у горыныча не подарок. Скинули в щель пару «эфок», этим и ограничились.

Недолго Серега в составе группы проходил, с полгода всего, а память о себе хорошую оставил. Хоть и с гонором был, а в трудную минуту Данил с Сашкой на него как на себя положиться могли, ни разу не подвел.

Вот и получилось, что Ольгу к себе Данил взял – Сашка тогда уже с двумя женами жил, а у Данила только Иришка. Уговорить ее было трудновато – норовистая собственница возле мужа терпеть никого не собиралась. Однако – жутко хотела ребенка, и Данил этим воспользовался. Сам-то он из-за мутаций был бесплоден, а у Ольги от Сереги остался месячный пацаненок. Хоть один ребенок в семье, хоть не свой – и то радость... Правда, недолго Иришке радоваться пришлось – после гибели мужа у Ольги пропало молоко. Пытались ребятенку сухое разводить или сгущенкой кормить – плакал, ел мало, а потом и вовсе отказался. Так и умер через несколько месяцев. Жуткое время было. Данил даже сейчас, после двух прошедших лет, вспоминая – содрогался. Ольга слегла, одной ногой на том свете, другой – на этом. Иринка с ней несколько месяцев как с малым дитем кружилась, тянула из могилы, как могла. В те темные и жуткие месяцы они и сдружились, да так, что водой не разлить. Какая уж тут ревность, когда рядом, с другой стороны от мужа, лежит не соперница, а, почитай, сестра родная. Дорого та дружба досталась. Эх, жизнь, жизнь...

* * *

Выспаться Данилу не дали. Только начал задремывать – стук в дверь. Иришка заворочалась, приподнялась, нащупала в темноте мужа.

– Ты тут? Кого там еще принесло? Поспать не дают после смены! Всю ночь грибы резали... Откроешь?

Данил поцеловал ее в горячую со сна щеку, скинул одеяло.

– Открою, спи.

– Свет не включай только, Ольгу разбудишь...

Ольгу разбудить всегда было большой проблемой, но Данил все же ощупью добрался до двери и, приоткрыв ее, выглянул наружу.

В коридоре стоял Димка Слепой – парнишка лет двенадцати, исполнявший обязанности кого-то вроде почтальона Убежища. Димка был слеп от рождения – радиация постаралась. Но хотя вместо глаз в глазных впадинах слезились дрожащие мутные студенистые горошины, в коридорах и переходах он ориентировался превосходно. Перемещался, касаясь одной рукой стены, а тросточкой в другой руке нащупывал путь, бодро чесал вперед и, начиная с трех лет, ни разу не заблудился и не сбился с пути.

– Здравсьте, дядь Данил! Тебя полковник вызывает! – выпалил он.

Димка каким-то своим внутренним чутьем всегда безошибочно определял, кто перед ним стоит. Данил поражался – это какую же чувствительность надо иметь, чтобы так чутко держать несколько метров окружающего пространства и всегда знать, что происходит вокруг тебя?!

– Здоров, Димок! Ладно, передай, сейчас буду.

Данил закрыл дверь и с досадой вздохнул. Родионыч ему хоть и не начальство – сталкер птица вольная, сам себе начальник и по определению и по роду деятельности, – но игнорировать его вызов не стоило. Невежливо это по отношению к наставнику, придется идти. Сон, похоже, накрывался медным тазом.

В рабочем отсеке кроме хозяина уже сидели Герман и зампотыл Сычин. За свою маниакальную жадность и скопидомистость последний получил прозвище Плюшкин. Данил, когда-то в детстве прослушавший бессмертное произведение Гоголя на уроке литературы, был полностью с этим погонялом согласен.

Данил постучал, вошел, прикрыл за собой дверь. Кивнул, приветствуя обоих, посмотрел на Родионыча.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — как-то так повелось, что к Родионычу он чаще обращался именно в такой форме, а не по имени-отчеству. — Вызывали?

— А, Данька! — полковник же оставлял за собой право называть своего двадцатиднолетнего воспитанника так, как звал и в десять, и в пятнадцать. — И тебе не хворать. Давай-ка, ходи сюда, разговор есть.

Данил прошел, сел за большой прямоугольный стол с торца, напротив Родионыча, вопросительно посмотрел на полковника.

— Со стороны войсковых вчера ракета была, — по-военному, без предисловий, начал глава Убежища. — Желтая. Хрен знает, что у них там случилось, может, как тогда с «тареном», но посмотреть не мешает. Сходите с Санькой?

— Почему мы? — удивился Данил. — Случай-то рядовой. Пошлите вон из партизан кого. Нам завтра в ГБР, а потом сразу в рейд уходим.

— Рядовой — да не рядовой, — полковник встал, прошелся в проходе между столом и стеной, на которой висела карта района, снова сел. — Не волнуйся за ГБР, если надо, освободим. Ты куда в рейд-то собрался? Мимо войсковых не пойдешь?

— Не знаю пока, — Данил, усмехнувшись, пожал плечами. — Может, на завод ходим, может, на подстанцию, а может, город пошерстим. Мест нехоженных пока еще везде полно.

— Ой, да ладно тебе, Добрынин! — подал голос Плюшкин. — Все знают, что у правильного сталкера маршрут загодя рассчитан!

— Все знают, что правильный сталкер о маршруте до рейда не говорит, — Данил особо выделил слово «правильный». — Так что извиняйте, товарищ Плюшкин, не ваше собачье дело!

Этого типа Данил стойко не переваривал. Подставы одни! Не проконтролируешь — так обязательно обжопит, да еще и такой момент подберет, что хрен просечешь! Чего стоил хотя бы тот случай, когда этот урод вместо ящика с лентами для КППВ подсунул ящик, набитый пустыми гильзами, а Сашка эту лажу проворонил. Ящик две недели на точке под пулеметом пролежал нескрытый — боезапас у пулемета еще был. А потом, когда вновь в Сашкино дежурство собаки волной поперли и его пришлось открывать, оказалось что там хрен на постном масле... Сашка тогда Плюшкина чуть не пришил после смены. «Перепутал» он, видите ли! Спасибо Родионыч вмешался, уберег своего зампотыла от безвременной кончины под подошвой сталкерского берца.

Пухлая физиономия Сычина побагровела.

— Добрынин! Я бы попросил...

— Да пошел ты!

— А-атставить! — негромко скомандовал полковник. — Я вас сюда что, собачиться пригласил? Если спецом идти не хочешь, так может, с маршрута заглянете? Сделаете крюк небольшой, забежите, посмотрите, что и как?..

Вот как объяснить человеку, что не в их с Санькой правилах с запланированного

маршрута сворачивать без крайней необходимости? Родионыч – человек военный до мозга костей, хоть армии как таковой уже и нет давно. И старается всегда загрузить по полной: и это сделай и то, и еще вот это не забудь, ну а это в довесок возьми. И тележку маленькую сзади к жопе прицепи, чтоб два раза не мотаться. И главное – почему именно они, что за блажь? Тропа от Убежища до части проложена черт-те когда, собаки на ней редко попадаются, выродки тоже – научены давно. А миксеров и куропаатов в леске, через который тропа идет, вообще только пару раз видели за все время. Куропатам там тесно, места для разгона нет, им простор подавай, а для миксеров фон слишком мал, они излучение любят. По тропе до войсковых всего километра полтора спокойного хода. Послать, вон, того же Чебучу с парой человек. Чебуча хоть и не сталкер, партизан, но по поверхности ходить не трусит, тем более по разведанной тропе.

Данил вздохнул:

– Товарищ полковник. Будет больше толку, если вы скажете, почему вам именно нас с Сашкой приспичило запрячь? Мы ж вслепую работать не любим, а у вас вон явно из-за пазухи уши торчат.

Герман заржал, Плюшкин неодобрительно поджал губы. Родионыч ухмыльнулся.

– Моя школа... Ладно, Герман, расскажи.

Сашкин дядька, седой уже, но все еще полный сил сталкер, откинулся всей своей мощной тушей на спинку стула. Дерево жалобно скрипнуло.

– Две недели назад торговые войсковых приходили...

Данил кивнул. Не новость. Торгаши войсковых приходили раз в две-три недели. Патроны несли на продажу, оружие поплоче, медицину разную, тоже средней паршивости. На воду меняли, на еду – грибы да крупы. За хорошими-то стволами и патронами либо к ним на поклон являйся и втридорога бери, либо сам добывай. Некоторые и пытались – у них же на складах. Правда, там уж как получится – стрелки у войсковых меткие и калибр у них крупный.

– Так вот, один из них у нас в «Тавэрне» сидел, – Герман ухмыльнулся. – Несколько стопариков засадил – и ляпнул нечаянно, будто бы Прапор караван большой с востока ждет в ближайшие две недели. Так что аккуратно вчера именно этот караван мог подойти. И сигналка как раз для него предназначалась – путь свободен, типа.

– А нам-то что с этого?

– А того, что Прапор обычно о прибытии каравана загодя нам трезвонит. Сам знаешь. И под это дело цены начинает набивать, торгуется, потому как с караванами ему вода да жрачка приходит. На два месяца запасается, гад, и все эти два месяца из нас жилы тянет, цены в три раза вздувает.

Да, это был факт известный. Бомбарь воинской части небольшой, рассчитан на тысячу человек, не больше. И припасов там было не так уж и много. Спасло то, что укрылось там всего человек сто народу, из которых мужиков лишь чуть больше половины. Протянули кой-как, на жесточайшей экономии. Да к тому же в двадцать девятом году у них что-то там со скважиной случилось, вода стала с горем пополам поступать. Так что целый год сидели войсковые почти без воды – литр в день. Хочешь – мойся, хочешь – пей. А в тридцатом, когда Родионыч повел молодежь в первый многодневный рейд, их и обнаружили. Правда, сначала повоевать попытались, даже подмогу из Убежища вызвали – да куда ж соваться против «печенегов», «кордов» и «шмелей»? Данил тогда получил свое первое боевое ранение, а вот деду не повезло – погиб дед.

И ведь прав Герман: войсковые, спекулянты, после прохода каравана действительно вздували цены раза в три как минимум. И с этим приходилось мириться – боезапас нужен был сейчас, а не через два месяца. Родионыч, правда, пробовал закупаться впрок, чтобы хватало на тот период, пока у войсковых топливо, жрачка и вода есть, но Прапор тоже не дурак. После второй такой закупки фишку просек и бартер стал строго дозированным – войсковые предпочли недобирать товара в окнах между караванами с тем, чтобы потом содрать с вокзальных тройную цену. И хотя вокзальные таким же макарон могли бы покупать оружие и патроны у приезжих торгашей – однако какой смысл? У них-то цены и вовсе заоблачные. Да к тому же на складах у войсковых товар был новенький, в масле, не использованный, даже печати на ящиках сохранились. А у приезжих? Продаст он тебе пукалку, а завтра его и след простыл. А послезавтра пукалка-то возьми и откажи. И где того торговца искать? Может, он вообще больше этим путем не пойдет...

– Хорошо. Допустим, что-то в этом есть, – Данил, задумавшись, побарабанил пальцами по столешнице. – Хотя по-прежнему не понимаю. Ну пришел караван к нему... Или не пришел... Нам-то что с того? Я Убежище имею в виду.

Герман оглянулся на Родионыча.

– А-а-а, дружок! – полковник хитро прищурился. – А это уже называется «стратегическое планирование». Тебе вот, к примеру, известно, что за караван пришел? С чем? Какой груз? Почему скрытно, минуя нас? Мне – нет, а надо бы. Потому как люди на мне. Все, кто тут живет. Кто его знает, Овчаренку, что ему в голову взбредет? А может, он потравить нас решил, вот и заказал торговцам какой-нибудь фосген?

– Ну, это уже паранойя, товарищ полковник, – уверенно сказал Данил. – Зачем им?

– Да потому что запасы у них на складах не вечны! – влез сидевший до сих пор смирно Сычин. – И мы не знаем, сколько и чего у них там осталось. Они, может, последнее уже спускают – а чего жрать-то будут, когда патроны и стволы кончатся?

Данил задумался. Хоть и не верил он в такое развитие событий, но перечисленные полковником неясности настораживали. Может, и впрямь стоит проверить?

– Что от нас требуется?

– А от вас требуется проникнуть в часть и посмотреть на этот самый груз.

Данил вопросительно посмотрел на полковника.

– Это как понимать? У каждого встречного-поперечного выведывать, что ли?

Тот развел руками:

– Да как. Просто. Как я вас учил? Разведка. Никого не убивать без нужды, не засветиться. Нужны сведения о грузе, и всё. Машины наверняка куда-то в часть загнали, ты там не раз бывал, сориентируешься. Скорее всего, на стоянке они.

Данил аж растерялся от удивления. Ну и заданьице!

– Хрена се вы, Сергей Петрович, сказанули... «Забежать», значит? «Крюк сделать, посмотреть что и как», значит, да? «Проникнуть», угу... Да мне ли вам рассказывать, как войсковые свою территорию охраняют?! Про пулеметы на вышках не забыли, часом?

А про собачек по периметру? Через овраг лезть – гиблое дело, лихорадку подцепить не больно охота, а на кладбище, что с восточной стороны, уже пару месяцев тому, как миксер засел! И вы, значит, предлагаете эдак между делом «забежать», «проникнуть» и «посмотреть»?! Вы это как себе представляете?!

Полковник пожал плечами, спокойно глядя на возмущенного воспитанника.

– Не знаю. Ваша пара с Саней – одна из лучших. Вам и решать.

А только надо это дело сделать! – полковник привстал, через стол наклонился к Данилу, заговорил, глядя в глаза, медленно, словно разжевывая. – Слишком много непонятностей! Сам посуди: караван прошел мимо нас, на торговлю не остановился! Это раз. Почему? И – скрытно прошел, даже крюк наверняка делали, по тракту не пошли, чтоб мы движки не услышали! Это два. Опять же – почему? Сигналка желтая была на рассвете – рассчитывали, что на фоне восходящего солнца не заметим! И звука выстрела, кстати, было не слышно. Это уже специально как-то надо извращаться, о сигнальных пистолетах с глушителем я не слыхал! Это три. Вопрос: что от нас скрывают, почему такая секретность? Ведь если б не тот торгаш, мы б и не подозревали ничего. Даже если и заметили сигналку, значения не придали. Ну, пульнули войсковые ракетой – дальше что? Бывает! Короче – надо посмотреть! Понимаешь? Надо! А то ведь я и военное положение по Убежищу могу объявить! Тогда уж точно не отвертитесь...

– Не объявите, товарищ полковник, – задумчиво ответил Данил. – Людей вы только в случае прямой угрозы сможете убедить, а так, на основании одних подозрений, – никто и не пошевелится, сами знаете.

– Грамотный-то какой стал... Психолог, м-мать! – взгляд Родионыча внезапно утратил жесткость, даже вроде усталость какая-то проглянула. – Ну и сколько еще мне тебя уговаривать?!

– Меня не нужно уговаривать, – Данил отмахнулся. – Чё-то и впрямь картина какая-то косоватая получается, если вникнуть. Ладно, раз надо – значит, будем думать. Когда выходить?

– Вчера.

– Понял. Сегодня вечером уйдем, дайте только отоспаться.

– Демроны?

– Очень желательно, товарищ полковник!

– Монокуляр сдал уже? Нужен? Или НСПУМ^[16] возьмешь?

– Не травите душу, Сергей Петрович, – ночной прицел для любимой винтовки был давней мечтой Данила. – Монокуляр у меня пока.

– Хорошо, тогда и не сдавай. Да смотри, осторожнее с ним! У нас их всего-то с десяток. А то смотри, все же ночной прицел возьми... Подойди к Николай Ивановичу, он выдаст.

Данил покосился на Сычина – да уж, этот выдаст...

– Не волнуйтесь, товарищ полковник. Не в первый раз пользуемся.

– Где пойдете?

– Пока не знаю, надо думать.

– Ну, думай.

Данил поднялся. Одновременно с ним со своего места подскочил Сычин, засуетился:

– Вот и ладненько, вот и хорошо! Ну, раз договорились – пойду я, пожалуй! Дел еще по горло сегодня...

– Сядь, – полковник сам расслабленно откинулся в кресле, с насмешкой посмотрел на зампотыла. – Ты, Николай Иванович, не обижайся, но порой ты мне и впрямь Плюшкина напоминаешь. Как платить – так жаба душит.

Сычин сник, как квашня сполз на стул. Забормотал.

– Так ведь, Сергей Петрович, оно ж все казенное! Берегу! Потом же понадобится – а нету...

Данил, уже собравшийся на выход, замер, непонимающе переводя взгляд с одного на

другого. Родионич поскреб подбородок, посмотрел на своего воспитанника.

– Получается, Данька, что я вам рейд обломал, так?

– Вроде того, – Данил развел руками. – Но уж больно вы тут серьезную картинку нарисовали...

– Ничего, рейд я вам с Сашкой компенсирую. Ты вроде как на летнего «Лешего» засматривался?

Данил почувствовал, как его физиономия помимо воли расплывается в улыбке. Маскировочная накидка «Леший» на складе имелась всего в нескольких экземплярах и выдавалась в пользование только по личному распоряжению полковника. А так, чтоб купить, – вообще мечта! Правда, на складах в части такие тоже были, но войсковые слишком дорого запрашивали, аж три ящика тушенки. Не по средствам.

– Было дело...

– Слышь, Иваныч? Передай Коробочке, чтоб одного «Лешего» ему отдала.

– Сергей Петрович! – заныл Плюшкин. – Да у нас же летних всего три штуки осталось! А ну как понадобятся, а мы их разбазариваем...

– Отдай, отдай, без маскировки там кисло будет. Ну и за сложное задание хорошая награда полагается.

– Есть... – на поникшего Плюшкина было жалко смотреть.

– Сашку пришлешь, как выпится, пусть сам скажет, что ему надо. Ну что, доволен?

Данил все еще стоял с расплывшейся до ушей улыбкой.

– Доволен! Спасибо, товарищ полковник!

– Ну, давай, давай. Удачи, ребята!

* * *

Шагая по коридорам Убежища к Сашке, Данил крепко задумался. Задание им навесили нешуточное.

Цель: незаметно проникнуть в часть, найти грузовики каравана, осмотреть груз. Вернуться, доложить. Условия: очень хорошо охраняемый объект. Бетонный забор под егозой^[17], по углам и через каждые сто метров – вышки. На вышках – «корды» со «шмелями». За бетонкой – второй забор из колючки. Между двумя этими заборами песики бегают. Как уж их войсковые ловят, чем заманивают – в Убежище никто не знал. По территории части наверняка патрули, хотя много не должно быть – с людьми у войсковых напряжёнка. С севера к забору вплотную подходит лес и овраг. В лесу всякой дряни полно, не говоря уж об овраге, кишашем комарами с полкулака и клещами с ладонь, которые резину ОЗК на раз прокусывают. У демрона ткань хоть и попрочнее, да все ж рисковать не стоит – лучше с двумя миксерами встретиться, чем лихорадку подхватить... С востока – кладбище. В принципе есть шанс незаметно подобраться, но в прошлый раз, когда Данил с Санькой туда сунулись, – получили по мозгам. Известное дело, с миксером шутки плохи. Пытались вычислить мутанта, он вроде как в районе озерца обитал – да где там! Разве заметишь его в темноте без ночной оптики, среди плотно уставленных оград и памятников, да еще когда после удара башка как чугунная. Так и пришлось отходить ни с чем. И как в таких условиях прикажете проникать на объект?

Сашка дрых без задних ног. Маринка, старшая жена, поначалу даже пускать мужнина

напарника не хотела. Пришлось рыкнуть. Из отсека донеслось ответное рычание – типа, меня – будить?! – и в дверях вырос Санька: всклоченная голова на высоте двух метров, узкие заспанные глазки, сатиновые трусы в горошек. Недовольно уставился на боевого товарища:

– Ты че, Дан, озверел? Я только лег!

– Ты лег, а я вообще не ложился. Привет от Родионыча – зайдешь к нему после обеда.

– А чё?

– Он нам работенку подкинул. В ночь выходим.

– Он чё... – Санька непочтительно покрутил пальцем у виска. – А ГБР завтра?

– Освобождает. Ты, короче, дрыхни пока, но к после обеда – к нему. Потом сходи к Бабаху, скажи, чтоб к вечеру сварганил чего-нибудь светощумовое, да помощнее. А потом ко мне давай, я тоже сейчас на боковую часов на пять.

Сашка пожал плечами:

– Ну лады. Увидимся...

Дверь закрылась, Данил развернулся и потопал к себе. Теперь можно было и отдохнуть.

Глава 2

Лиха беда начало

– Заводское-то бомбоубежище еще при Советах строили. Сам завод, дай бог памяти, в пятьдесят третьем, и тогда же бомбоубежище начали. А уж в семидесятых годах, когда самый расцвет был, расширили, углубили да переоснастили. И артезиан именно тогда выкопали. Такой вместительный бомбарь, да без скважины – глупость. И к заводским скважинам его тогда же подключили. И уж в пятьдесят третьем он на тыщу мест планировался, а когда расширяли, то и до трех тыщ достроили – завод-то к тому времени разросся... В общем, серьезный бомбарь для серьезного завода. А как ты хотел?... Завод-то наш для тольяттинского детали гнал. Пятьдесят один процент всей продукции для него выдавал. Рабочих тут была – тьма! Надо же коллективные средства защиты для такой уймы народу предусмотреть – вот и старались.

И деньжищ немерено вбухивали. С самой Москвы шишки приезжали, на контроле держали... Вот слушай-ка, – дед полез куда-то во внутренний карман спецухи, долго там копался, шевеля губами и дергая кадыком под щетинистой, сизовой кожей, и, наконец, выудил клееный-переклееный, лохматый от ветхости листок бумаги. Бережно держа его в руках, аккуратно развернул и с чувством начал читать:

«В соответствии с решением совета директоров ОАО “АВТОВАЗ” вновь созданное предприятие ЗАО “СМЗ” является дочерним обществом ОАО “АВТОВАЗ”», – дед наизидательно поднял палец, покашлял. – Дочерним, понял? Так, чего тут дальше-то... ага... «В настоящее время предприятием планируется осуществление новых программ и направлений, позволяющих подняться на новый технологический уровень, отвечающий требованиям рыночной экономики, ведется интенсивный поиск новых заказчиков...» Новых заказчиков, понимаешь? Вона чего. Конечно, как же тут бомбарь-то не отгрохать, ежели новые силы в завод вливают... «ЗАО “СМЗ” – это современное предприятие, специализирующееся на производстве прицепов для грузовых и легковых автомобилей, комплектующих и запасных частей к автомашинам семейства ВАЗ, ЗИЛ. Многолетний опыт работы...»

– А чего такое ваз и зил, а, деда? – перебил Данька.

– Да ты дальше слушай, – сердито насупился тот, складывая листок и бережно пряча его в карман. – Я те не про завод, а про Убежище рассказываю! Да не вертись, неслух! Слушай! В общем, разросся наш бомбарь. В пятьдесят третьем только один уровень был, это уж потом, к концу семидесятых, еще на два заглубились, да в стороны разрослись. Первый-то уровень, самый к земле близкий, под склады начали использовать, чтоб, значит, мощностя и площадь не простаивали, а нижние-то уровни законсервировали. Только припасы меняли время от времени, да оборудование.

Ну, а потом Союз развалился... На заводе неразбериха настала, и под это дело ох и много ж добра из запасов потаскали... А чего ж... Взять вот хотя бы продуктовую закладку, тот же тушняк. Его ведь военные затаривали, а военные консервы – они ж росрезервовские! И двадцать, и сорок лет пролежат, ничего с ними не случится. Тем более, что в нашем положении привередничать не приходится, любую сожрем. Ты его, тушняк-то, и до сих пор ешь. Вкусно, поди?

Данька кивнул, сглотнул слюну, живо представив банку тушенки из армейских запасов. Банка в смазке – сначала нужно было эту банку в горячей воде отмыть, а потом уже открывать – была самым его любимым блюдом... Там всегда был огромный кус мяса и желе, которое мальчик выедал с большим удовольствием, хотя обычно в него трудно было что-то впихнуть. Тушенка всегда подавалась на завтрак, а на гарнир мама Галя варила пшенку, реже – гречку или макароны – это уж зависело от того, что на продскладе выдавалось. Макароны Данька не любил, а пшенку – тихо ненавидел, мечтая, чтоб в один прекрасный день она испарилась куда-нибудь со складов.

– Да ты не мечтай, дальше слушай! – бесцеремонно влез в мысли дед. – Много в те годы украли. И провизию, и соляру из цистерн сливали, и одежду со складов перли... Хэ-бэ военное, одеяла, противогазы, фильтр-патроны – все подчистую мели! Даже один из дизелей стащили – в хозяйстве, как говорится, и паровоз пригодится! А потом, в две тыщи пятом-то – я ж тебе прочитал только что с листка, – завод реконструировать взялись. Немцы приехали, часть площадей в аренду взяли, а вместе с площадями им и бомбарь сдали, с условием, что они его восстановить возьмутся. Вот и пришлось им новое оборудование ставить да запасы пополнять. Наше, конечно, ставили, российское, невыгодно им было сюда свое-то возить, но ставили все ж таки качественное, закупались через Росрезерв. Единственно – дизеля заграничные установили. Дорогущие, но – экономичные, долговечные! Это Палычу надо спасибо сказать и свечку поставить...

– Так нету свечек, деда! Отец Кирилл сколько раз уже говорил, что Бога гневят – веревочки в стаканчиках жжет, – сказал Данька и тут же словил подзатыльник.

– Будешь еще деда перебивать, щегол!?

Данька притих, потирая макушку, – дед руку имел твердую, а силы в ней со времен молодости если и убавилось, то совсем чуть-чуть.

– Палыч сам лично следил, чтоб они не халявили, – продолжил рассказ дед. – Да и то сказать, немец – он не чета русаку. У них ежели положено – так исполняй и не пищи! Вот так, почитай, бомбарь вторую жизнь обрел. Потом тут все заводские шишки корпоративы справляли. А что – экзотика! В отсеке, где сейчас всякое тряпье лежит, на первом-то уровне, раньше зал для гулянок был. Там и экран плазменный здоровенный стоял – он теперь у Пива в «Тавэрне» – и техники всякой-другой полно. А еще помнишь, небольшой такой отсек, где сейчас библиотека? Там директор оборудовал себе квартирку по первому разряду. Говорили, неделями в ней жил – может, с женой поссорившись, а может, еще по какой причине. Все книги, диски с музыкой, фильмы, которые в Убежище есть, – все оттуда. Хоть какое-то развлечение. Эх, времена!.. Ты еще тогда совсем малой был. Сдам тебя, бывало, матушке Галине – а сам к Пиву. Народ под вечер наберется, рассядемся перед этой плазмой всем колхозом – смотрим... По одному диску в недельку просматривали, и каждый такой просмотр праздником был. Как в старые времена, еще дед мой мне рассказывал, к ним в деревню кинопередвижка аккуратно по воскресеньям приезжала, и вся деревня в клубе собиралась. Вот и мы так же.

– А что это такое – кинопередвижка, а, дедуль? – опять не выдержал Данька.

Любопытно же. Дед иногда говорил какие-то словечки из прошлой жизни, значение которых маленький Данька не понимал, а дед редко снисходил до объяснений. Вот и сейчас он вопрос проигнорировал, продолжая рассказ:

– Реконструировать бомбарь закончили в две тыщи девятом, забили под завязку новьем, а спустя три года – рвануло. По всей стране, по всей планете заразу разнесли... Эх...

Просрали... Все просрали... – дед махнул рукой и умолк, вперившись куда-то в пространство.

– Деда, ну а дальше, дальше? – Данька потормошил деда за рукав старого комка. – А чего было-то, когда рвануло?

Но дед не отвечал. Смотрел куда-то в стену отсека, и, как всегда, когда думал о чем-то неприятном, гримаса боли кривила лицо. Впрочем, Данька, не раз уже слушавший этот рассказ, и сам знал, что было дальше.

Дальше было так.

В тот день Олег и Света – родители Даньки – были проездом через Сердобск. Ехали из отпуска и решили заехать в родной город, погостить у родителей. А на вокзале их встречал дед Миха, отец Олега. Только с поезда сошли – и началось...

Когда завыл заводской гудок, сначала никто ничего не понял. Молчал он, почитай, с того времени, как Союз развалили. Как в девяносто первом перестал народ на смену созывать, так и не включали его ни разу в течение двадцати одного года. И молчать бы ему и дальше, однако судьба распорядилась иначе.

И – голос. Дед Миха всегда потом говорил, что голос этот и слова, несущиеся из вокзального громкоговорителя, врезались ему в память на всю оставшуюся жизнь. «Внимание! Всем! Говорит штаб ГО! Граждане! Воздушная тревога! Угроза ядерного удара! Всем находящимся в зале ожидания немедленно спуститься в бомбоубежище в подвале здания! Направление эвакуации укажут патрули ППС! Внимание! Всем! Говорит штаб ГО! Граждане!...»

Люди стояли, слушали, переглядывались... Учения, что ли, какие? Отвыкли за время дерьмократического беспредела по первому сигналу тревоги в убежище нырять. Решительности придал тот самый наряд ППС – с улицы вбежали два доблестных работника полиции и впопыхах юркнули куда-то в подсобки. Следом внутри исчезли еще несколько фигур в серой форме. Люди, очнувшись, по одному, бочком-бочком, сначала соблюдая достоинство, а потом уж и наплевав на все условности, повалили за ними. Толкотня, давка. Первый вопль, впрочем, мгновенно оборвавшийся, будто обрубил. Затем крики погромче, проклятия, мат, женские причитания. Разноголосо заревели дети. Толпа поднажала, протискиваясь в узкий служебный коридорчик. Кто-то коротко, страшно вякнул на весь зал – раздавили.

Дед Миха толкал сына и невестку перед собой, усиленно работая локтями и стараясь держать равновесие. То, что толпа разнесет их в стороны, он не опасался: люди спрессовались, вливаясь в узкий коридор служебных помещений, и давились теперь, как сельди в бочке. Единственно, чего он действительно боялся, – упасть. Вот тогда – конец. Затопчут, и пикнуть не успеешь.

Гудок продолжал выть, голос из громкоговорителя повторял одну и ту же запись про добрых и милых сотрудников ППС. Ха! Патрули ППС укажут?! Эти-то девять патрульных, успевшие нырнуть вместе с остальными людьми под бетонные своды бомбаря, на ближайшие месяцы стали самой большой головной болью спасшихся. Они имели оружие, а пистолет рождает власть и желание жить по праву сильного. А власть в руках гнилья – как дойная корова. Беру, что хочу, и творю, что хочу. Может, когда-то полиция и гордилась чистотой своих рядов, но слишком много времени и событий произошло с тех пор в разваливающейся стране. Презрительная кличка «мусор» стала самой меткой характеристикой для большинства людей, служивших в этом ведомстве. И если бы не

полковник спецназа Сергей Петрович Родионов, так же, как и родители Даньки, оказавшийся в городе проездом и успевший нырнуть под землю буквально за несколько секунд до закрытия гермодверей, – неизвестно, как бы сложилась жизнь в Убежище в условиях ментовского беспредела.

В бомбарь успело забежать всего сотни три человек, когда сверху ударило. Бомбоубежище тяжело трянуло, выбивая землю из-под ног. Стены затрясло мелкой дрожью, погасло освещение. Вопли, шум, матюки, неразбериха... Сверху, с поверхности, слышался постепенно нарастающий гул – шла ударная волна. Это было страшно, страшно до одури. От гула закладывало уши и отрубало напрочь все чувства, кроме одного, крысиного, – бежать, как можно дальше и прятаться, как можно глубже. Толпа, словно овцы в стаде, единым порывом шархнула в одном направлении – вглубь бомбоубежища. В свете включившихся тусклых аварийек было видно, как патрульные, ворочая здоровенные штурвалы, спешно закрывают внешние гермодвери, отсекая вливающуюся внутрь толпу. Снаружи заорали, застучали, приналегли... и в ответ тут же раздались выстрелы – это служители правопорядка успокоили самых упорных, пытавшихся пролезть в постепенно сужающийся проход. Заслышав стрельбу, толпа отхлынула от гермодверей, и это, наконец, дало возможность бравым сотрудникам полиции перекрыть выходы. В двери тотчас застучали. Протестуя, толпа, находившаяся по эту сторону, разноголосо заорала, качнулась к тамбурам. Люди в серой форме подняли оружие... Дальнейшее дед Миха помнил смутно и отрывисто, будто сквозь пелену. Помнил, как закрылись и внутренние гермодвери... Помнил размахивающего автоматом сержанта с распыленным темной ямой ртом и налившимся кровью багровым лицом, орущего, что пристрелит любого, кто подойдет к штурвалам... Помнил остальных полицейских, сгрудившихся у этих самых дверей и наставивших оружие на рвущихся к тамбурам людей... Помнил, как снаружи в герму долбили и, вероятно, долбили какой-то арматурой, потому что звук все-таки проникал сквозь закрытые двери, и от звука этого мороз драл по коже. Помнил, что бомбарь трянуло еще раза три или четыре, – на город и окрестности скинули не одну бомбу.

А сколько на страну? А сколько наших ушло за океан? Этого уже никто не знал да и не интересовался. Кроме того, узнать было просто-напросто не у кого – радио, которым в обязательном порядке оборудовалось каждое бомбоубежище, молчало.

Как бы ни было это противно, спустя годы дед Миха всё же признавал, что все они должны быть благодарны патрульным, которые вовремя закрыли гермодвери и не дали взрывной волне и радиации проникнуть в Убежище. И за это и за то, что они первую неделю буквально жили у тамбуров, не подпуская всех тех, кто хотел открыть гермодвери и впустить оставшихся на поверхности. Да, тогда каждый из спасшихся готов был разорвать этих ублюдков, которые не дали шанса остальным людям, стремившимся к Убежищу. И ведь были попытки, были. В первые же сутки после бомбардировки группа из семи человек, сговорившись, предприняла безуспешную попытку отобрать у людей в серой форме стволы и открыть двери. Их положили всех. Патруль стоял насмерть, стреляли без предупреждения и на поражение. Понятно, что полицейские старались прежде всего для себя, но тем самым они спасли и остальных. Разумом каждый человек уже тогда понимал, что открывать сейчас гермодвери – самоубийство! Радиация, проникнув внутрь, не пощадит никого! Но в этих девяти фигурах, стоящих у выхода в тамбуры, каждый видел прямо-таки средоточие вселенского зла! Ужас случившегося, тяжесть потерь, страх неизвестного – все это люди подсознательно переносили на них, сгрудившихся у дверей и ошестинившихся стволами...

И все же они выстояли, и двери остались заперты. Спустя несколько дней бьющий по нервам стук снаружи прекратился, и народ постепенно успокоился, перестал рваться на выручку. Да и дошло уже до большинства, что мир изменился, и изменился безвозвратно. Человек перестал быть его хозяином и превратился в палача с испачканными по локоть в крови руками. На поверхности теперь безраздельно властвовала радиация – дозиметры, висящие у выходов, красноречиво свидетельствовали об этом. Стрелки всех трех приборов дружно ползли вверх и замерли, наконец, на отметке в полторы тысячи рентген, предупреждая, что выход на поверхность отныне стал смертельно опасен. Люди вынуждены были начинать новую жизнь на новом месте.

* * *

Большой удачей стало то, что в Убежище в момент взрыва находился Николай Павлович Андреев – военрук Палыч, как вскоре стали называть его выжившие. Он состоял кем-то вроде начальника ГО и ЧС при администрации завода и вплотную занимался переоснащением бомбоубежища, а потому – знал его, как свои пять пальцев.

В тот день Палыч с самого утра сидел в подземельях, проводил продуктовую инвентаризацию. Когда от удара качнулась земля, потух свет и автоматика включила тусклое аварийное освещение, подумал сначала: на заводе рвануло. Дернулся наверх, к выходу, – а навстречу уже ломится обезумевшая от ужаса толпа. Тут-то его и пришибло – началось! На подламывающихся ногах военрук побежал в дизельную. От навалившегося щемящего ужаса тряслись руки, сердце отказывало, работая с перебоями, – Палыч прекрасно понимал и представлял, что происходит сейчас на поверхности и что может произойти в скором времени в Убежище, не пусти он все его системы в работу. Пока возился с агрегатами, мелко клацая зубами от осознания произошедшего, свет потух окончательно – аккумуляторы были введены еще не все, хотя и собраны уже в схему. Наконец дизеля взревели – и сразу же зажегся свет. Палыч где стоял, там же, от облегчения, и уселся: пущенные дизеля позволяли продержаться до прихода спасателей. Наивный! Разве ж знал он тогда, что никакой помощи не предвидится и отныне, цепляясь за жизнь, приходилось рассчитывать только на свои собственные силы?

Первые дни. Первые дни не опишешь словами... Животный страх. Жуть. Неизвестность. Тоска – у каждого ведь наверху остался кто-то, при мысли о ком рвалось сердце. Уныние, отчаяние, панический ужас. Многие не верили, что произошло необратимое, надеялись: вот-вот придут спасатели, откроют двери и выведут людей на поверхность. Однако время шло, и даже самым упертым, наконец, пришлось взглянуть правде в глаза и признать – жизнь отныне переменилась самым коренным образом.

Человек известен своей фантастической приспособляемостью. Уже в конце первого дня наметились какие-то шевеления. Кто-то захотел есть, кто-то пить, кто-то – в туалет. По всему уровню начали бегать дети, исследовать новое диковинное место – эти вообще не могут долго унывать, особенно пацаны. Главное – родители с ними, а там как-нибудь протянем!

И уже в первые дни обозначился основной костяк будущей администрации – люди, способные принимать решения в тяжелейшей стрессовой ситуации, люди, силу которых чувствовали и к которым тянулись.

Полковник спецназа ГРУ Сергей Петрович Родионов обладал всеми этими качествами в полной мере. Именно он на пару с Палычем, пытаясь хоть как-то наладить повседневную жизнь Убежища, организовал раздачу пищи и воды, расселение людей в отсеки первого, тогда еще чистого, и второго уровней, обеспечение их необходимым количеством нужных для выживания вещей — одежды, одеял, посуды, прочих предметов повседневного обихода. Полковник прекрасно понимал, что народ надо чем-то отвлечь. Люди, оставшиеся в таких условиях без дела, со временем начинают постепенно сходить с ума от лезущих в голову безумных мыслей. Для него, военного человека, ситуация была проста — чтоб личный состав не дурел и морально не разлагался, его надлежало занять делом, пусть даже пустым, ненужным и бестолковым. Именно этому золотому правилу и следовал многоопытный полковник, когда придумывал наряды на работы, порой такие бесполезные или настолько чудные, что в обычной ситуации несколько не военные люди просто подняли бы его на смех и послали куда подальше. Что стоило хотя бы ежедневное задание по протирке влажной ветошью разноцветных коммуникационных труб, тянувшихся под потолком бомбоубежища. Или наряд «наблюдателя», когда человек на сутки сажался перед выходом в тамбур с заданием следить за шкалами дозиметров, анемометров и барометров и отмечать в специальной тетради малейшее понижение или повышение уровня радиации на поверхности, скорость и направление ветра, температуру воздуха, давление... Казалось бы — зачем, в чем тут смысл? Для гражданского человека, не бывавшего в армии и не нюхавшего ее порядков, — очевидная глупость, сродни известному анекдоту: «копайте отсюда и до обеда». А для военного — занятие, полное глубинного смысла, недоступного гражданскому лицу вследствие его скудоумия и непонимания скрытых течений, влияющих на повседневную жизнедеятельность личного состава воинского формирования. Конечно, таких бессмысленных работ и нарядов было меньшинство, в Убежище и без того хватало забот. Та же уборка, мытье пола и стен обеззараживающими растворами, проводившаяся раз в неделю, занимала целый день и выполнялась всем личным составом Убежища. К тому же скоро, как и полагается в любом разумном обществе, в Убежище произошло разделение труда, и случилось это сразу же после переписи населения. Выяснилось, что им все-таки очень повезло. Нашелся и врач, принявший под свою ответственность склад с медикаментами и отлично оборудованный медотсек, и несколько технарей, за которыми было закреплено обслуживание машин и агрегатов и поддержание их в работоспособном состоянии. Курсант училища РХБЗ, три школьных учителя, сантехник, два логиста и даже один бармен — кого тут только не было... Словом, в течение буквально каких-то месяцев жизнь в Убежище, благодаря общим усилиям и нововведениям Родионыча, кое-как упорядочилась. Все видели, сколько сил приложено полковником для благоустройства, и авторитет его, благодаря этому, поднялся на недостижимую высоту.

Еще одним человеком, чей авторитет практически равнялся авторитету полковника, стал отец Кирилл. До Начала он был настоятелем Казанской Алексиево-Сергиевой пустыни, находившейся неподалеку от города, и, как всякий настоящий священник в тяжелые времена, поддерживал людей, не давал пасть духом слабым и отчаявшимся. Его высокая, жилистая фигура в черной рясе с тяжелым серебряным крестом на груди появлялась то в одном, то в другом отсеке, и для каждого обитателя Убежища у отца Кирилла находилось ободряющее, теплое слово утешения, библейская история, молитва. В тяжкие времена многие люди, даже те, кто ранее был ярым атеистом, приходят в веру. Легче жить, веря, что есть над тобой кто-то, кто поможет, защитит, оградит... Но конечно же — не все, далеко не все. Кто-то, наоборот,

убеждается в том, что раз Бог не уберег, не защитил – значит, его, попросту говоря, нет. И хотя твердят священники, что кары посланы нам за грехи наши, – разве кто-то из таких людей слушает их?

И все же тех, кто обращался к отцу Кириллу за духовной помощью, было существенно больше. Он даже попросил у Родионыча разрешения использовать для богоугодных целей один из свободных отсеков на третьем уровне, на что тут же получил добро – полковник с симпатией относился к отцу Кириллу, хотя сам был человеком безразличным к вопросам веры. Но с батюшкой побеседовать на разные темы любил и считал его умнейшим человеком. Впрочем, и священник держался о Родионыче того же мнения, отмечая не только его ум, но также и твердость характера, упорство и железную бойцовскую волю.

В отведенном ему помещении, представлявшем собой отсек семь на десять метров, отец Кирилл организовал некое подобие церкви-часовенки. Нашлись даже две-три иконы, которые он привез в день Начала из пригорода, от родных, для освящения в монастыре. Вместо свечей использовались стаканы с налитым в них маслом и опущенной на дно веревочкой. Горели они плохо и недолго, но привередничать не приходилось. Это потом уже, когда сталкеры начали совершать вылазки на поверхность, в хозяйстве отца Кирилла появились и настоящие свечи, и иконы, и прочая церковная утварь. А пока – сошло и так. Бог поймет, Бог простит. Кроме того, на нужды вновь образованной церкви отдали один из DVD-проигрывателей, имевшихся в Убежище, – у отца Кирилла на флешке имелась отличная подборка церковных пений и несколько записей игры на органе. В том же отсеке он с наиболее активными прихожанами организовал и церковный хор. Небольшой, всего на двенадцать голосов, но именно силами этого хора часовенка превратилась в одно из наиболее посещаемых в Убежище мест, где люди могли посидеть, послушать пение, испросить отпущение грехов. Настоятель принимал и выслушивал всех, говорил по душам, поддерживал, стараясь дать утешение каждому, и потому авторитет его в скором времени стал равен авторитету самого полковника.

Третьим лидером стал Айболит, майор Коноваленко Игорь Семенович, начальник медицинской службы войсковой части города, украинец по национальности. Подтянутый, сухой мужчина, носивший висячие запорожские усы и слегка напоминавший лицом Тараса Бульбу в исполнении Богдана Ступки.

Игорь Семенович, в отличие от отца Кирилла, лечил не души – тела, но делал это настолько профессионально, что за свое мастерство вскоре и получил почетное прозвище Айболит. «Всех излечит, исцелит добрый доктор Айболит», – говорится в одном известном детском стишке. И он лечил. Хирург по специальности, он лечил всех. Язва – к Коноваленко. ОРЗ – к Коноваленко. Вывих – обратно к Коноваленко. Казалось бы – что уж тут такого особенного?.. Если ты доктор – так и лечи! Однако в замкнутом мирке такой доктор-универсал становится в глазах своих пациентов чуть ли не всемогущим шаманом. И потом – хвори ведь бывают разные. Ноющий желудок – это одно, а вот воспаленный аппендикс – иное. Одно дело – вывих или ушиб мягких тканей, и другое – осколочный перелом со смещением. В первом случае, отлежавшись, встанешь сам, а вот во втором без квалифицированной медицинской помощи прямая дорога либо на тот свет, либо в инвалиды. Истина проста: когда, заболев, не к кому обратиться, когда лекарь только один – и лекарь, надо признать, отличный, – на него молятся.

Сам Айболит своих заслуг не преувеличивал и в лучах славы не купался – был он человеком достаточно скромным и славословий не терпел.

– Я не гений и не доктор Быков, – частенько отвечал он на поток благодарностей, изливающийся из очередного выздоравливающего пациента. – Вы лучше Палычу спасибо скажите. Это благодаря его стараниям медотсек заполнен самой необходимой техникой. Не будь ее – в половине случаев я был бы бессилён. Ни диагностировать, ни лечить... Как у меня в части: помазал солдатику зеленкой – и свободен.

Однако как бы он ни преуменьшал своих заслуг, люди понимали: техника – техникой, но без мастерства эта техника, сколь бы первоклассной она ни была, ничего не стоит. Именно благодаря своему профессионализму Айболит и стал постепенно одним из трех авторитетов, к мнению которых прислушивались и который внушал людям веру в будущее.

* * *

Однако не все шло настолько гладко, как хотелось бы. Люди разные, и потому, какой бы твердой ни была воля вожака, не всегда получается объединить всех до единого одним общим желанием – выжить любой ценой. Кому-то вся эта суэта глубоко безразлична, а кто-то вообще в силу своего характера никогда не шел с толпой, а всегда противопоставлял себя ей.

Вот, например, сидит у стены, покачиваясь, словно в трансе, молодая женщина. Пустой взгляд, растрепанные волосы, красные, распухшие от слез глаза. Дома, на поверхности, осталась трехлетняя дочь. Одна. Мужа нет – алкоголик, разошлись полтора года назад.

И женщина прекрасно понимает, что стало с дочерью. И – нет сил. Нет ни мыслей, ни чувств, одна только гулкая пустота в душе. Лечь – и умереть. И она не одна такая.

Вон, в углу – парнишка сидит, стонет. Рукой плечо окровавленное зажимает. Отлучился в вокзальный буфет за холодным лимонадом, оставил любимую девушку на скамейке в скверике – подожди, дорогая, я на пять минут, не больше... Когда Началось – затянуло его людской рекой в узкую горловину коридора и, протаскив по каньонам подсобок, швырнуло в гулкое подземелье Убежища. И нет хода назад. Рванулся – а навстречу стволы...

Или вот бабка взад-вперед мечется. Отошла в туалет – и так же людским потоком затянуло. А на улице – внучек любимый с дочкой, так в Убежище и не успели. И бомбы уже упали, и взрывная волна прошла, а бабке все кажется, что там они, за дверью, живые-невредимые. Стоит только открыть, впустить... Плачет бабка, людей в сером умоляет, а те только пистолетами в лицо тычут и от дверей отталкивают...

И таких людей, потерявших в мгновение ока весь смысл своего существования, было не один, не два, а чуть не четверть. С ними приходилось работать отдельно, успокаивать, убеждать, уговаривать... Не всех смогли убедить жить дальше, далеко не всех. Но даже не это стало самой главной проблемой...

Самой главной проблемой стали те самые девять ППСников, прекрасно понимавших, что сила на стороне того, у кого есть оружие. Поначалу они не мешали – обособились в сторонке, больше наблюдая и приглядываясь, нежели участвуя в общественной жизни Убежища. Бывший сержант Николай Паутиков, а теперь просто Паук, лидер группировки, чувствовал в полковнике, принявшем в ту пору общее руководство над Убежищем, не безобидную шавку, а матерого волка и связываться с ним до поры до времени опасался. Поселились они в самом дальнем отсеке на первом уровне, возле склада с тушенкой. Тихо шмыгали по своим делам вдоль стен, всегда держали оружие в боевой готовности – слишком жива была в людской памяти картина закрывающихся гермодверей, отрезающих путь к

спасению для несчастных, которые пытались попасть внутрь. На полицейских бросали косые взгляды, но не тревожили, обходили стороной, стараясь соблюдать негласный нейтралитет, и надеялись, что не будет зла и от них. Надеялись – и напрасно. И ведь предупреждал же полковник, что добром это не кончится. А ведь он, отлично знавший и понимавший все волчьи законы таких мужских коллективов, отлично разбиравшийся в их психологии, сам не раз обитавший в группах, подобных этой, отчетливо понимал, что может произойти.

Первый конфликт с пауковцами случился из-за женщины. Конфликт, который стар, как мир, – самцу всегда нужна самка, с инстинктом не поспоришь. Случилось это спустя месяц после Начала. И случилось как-то до банального просто – Пауку захотелось. Захотелось настолько сильно, что утруждать себя поисками согласной он не стал: просто вышел из отсека, ухватил первую попавшуюся поперек туловища и потащил за дверь. Когда женщина попыталась кричать и сопротивляться – ударил кулаком, подхватил обмякшую жертву и, как самый настоящий паук, утащил в логово. К тому времени, вероятно, атмосфера внутри группировки была уже достаточно напряжена. Хватило лишь легкого толчка, чтоб она нашла выход в беспределе, в пресловутом «праве сильного» – да и как же еще назвать то, что творилось в Убежище в последующие несколько месяцев?

Несколько человек, ставшие свидетелями этой отвратительной картины, попытались вмешаться, но из отсека высыпала группа поддержки, и под пристальными взглядами черных оружейных зрачков люди не решились отбивать жертву. Что довелось испытать несчастной – догадаться не трудно. Грязь, мерзость, боль, ощущение полнейшего бессилия... Когда через несколько часов женщину выпихнули из отсека, она едва стояла на ногах. Тело – один сплошной синяк, лицо разбито в кровь. Люди, столпившиеся около двери паучьего отсека, оравшие и безуспешно долбившие в нее, кто чем мог, подхватили женщину и отнесли в медотсек. Айболит, конечно, оказал квалифицированную врачебную помощь ее телу, но даже отец Кирилл не смог помочь ее душе – через двое суток, в течение которых женщина без движения пролежала на кушетке, отвернувшись к стене, ее нашли на том же месте в той же позе со вскрытыми венами. Под кушеткой в луже крови валялся скальпель. После нее остался годовалый ребенок.

Случай этот взволновал обитателей Убежища. Да, тогда еще именно «взволновал», не более того. Народ еще не привык жить вместе, быть единым организмом, стоять друг за друга горой. Многим этот случай казался рядовым – за времена демократии и победившего капитализма на улицах случалось еще и не такое. Не со мной произошло – и ладно. Люди привыкли, стали равнодушными, а ведь известно, что нет ничего страшнее равнодушия к судьбе ближнего своего. Тот случай так и спустили на тормозах: вече собралось, поорало – и разошлось. Утихло. На время.

А беспредельщики, ощутив безнаказанность, постепенно начали борзеть. То на общественное собрание явятся, хамить начнут, чужих женщин лапать – а какому мужику это понравится? То на склад тушенки залезут, вытащат короб, пируют, наплевав на жестко установленные пайковые нормы. То вскроют опечатанный и запертый на хиленький замочек медицинский склад, сольют литров пять спирта – опять разгуляй-малина. А потом по всему Убежищу бродят, стволами размахивают. Тут бы их и взять, тепленькими, да Паук обладал прямо-таки железной хваткой, держал подчиненных в ежовых рукавицах, даже в полупьяном состоянии не давая им разбрестись. Держались они плотной группой и, перед тем как свалиться в штопор после бурной попойки, всегда успевали возвратиться в свой отсек и

запереться, оставив перед дверью вменяемое охранение.

Дальше – больше. Как-то раз трое беспредельщиков наглотались «тарену» из противорадиационных аптек со вскрытого склада РХБЗ. Что уж там им причудилось – одному Богу известно, да только открыли они стрельбу в коридорах и троих человек положили на месте. А потом залезли в дизельную, слегка помяв Робинзона, заковали его в наручники и остановили все четыре работающих на тот момент дизеля. Правда, Паук, понимавший, чем грозит такая остановка, в момент явился в дизельный отсек и выкинул оттуда подгулявших соратников. Но три трупа так и остались лежать в коридоре на первом уровне, молчаливо свидетельствуя о том, что так больше продолжаться не может.

Однако терпение обитателей Убежища переполнилось не после этих краж, пьяных дебошей, убийств и насилия. Край настал после случая вандализма, происшедшего спустя месяца четыре после Начала. Два пауковца забрались ночью в никогда не запирающуюся на замок часовенку отца Кирилла и испохабили, подрали, изгадили все, что только можно было изгадить. Создавалось впечатление, что ублюдки буквально опьянели от переполнявшего их чувства безнаказанности и творили все, что им заблагорассудится, совершенно не оглядываясь на последствия и не ставя ни во что живущих рядом людей. Издевательство над часовенкой, служившей для многих единственным утешением в эти тяжелые дни, стало последней каплей – народ озверел. Озверел до полного бесчувствия и отказа тормозов. Напрасно полковник успокаивал стихийно образовавшийся возле дверей часовенки митинг – люди жаждали крови. Родионич понимал, что без более-менее приличной организации и планирования при нападении на логово Паука может пострадать немало людей, но его не слушали. Какие там планы, когда внутри все горит от чувства праведной мести!

На штурм ринулись, похватав на инструментальном складе лопаты, молотки и ломы с топорами. Охранение, состоявшее из двух человек, убоявшись вида несущейся озверевшей толпы, размахивающей плотницким инструментом, попыталось юркнуть за дверь – да куда там. Их смяли походя, мгновенно разодрав на несколько частей и раскидав по всему коридору.

Кровь не остудила, а, наоборот, казалось, добавила первобытного зверства исступленной толпе. Принялись за металлическую дверь. Ломали долго – били ломами, подковыривали швы топорами, долбили в бессильной злобе молотками... Внутри стояла мертвая тишина – беспредельщики поняли, что перегнули палку, и дрожали, надеясь дождаться, когда вспышка праведного народного гнева утихнет. Не дождались – кому-то пришла в голову светлая мысль: зачем выковыривать их из отсека, когда можно просто-напросто запереть внутри и пусть грызутся с голода! Против был только отец Кирилл, напирая на христианское милосердие, да куда там! Разве услышат одинокий голос, просящий мира и всепрощения среди воплей о войне и мести? На идею о том, чтоб запереть беспредельщиков, как пауков в банке, народ сначала поворчал – хотелось рвать, раздирать, слышать вопли врага и чувствовать под пальцами его горячую, пузырящуюся кровь. Но потом, за неимением лучшего плана, согласились и с этим: поставили под штурвал открывающейся наружу двери распорку, притащили сварочный аппарат и в нескольких местах прихватили ее к косяку. Беспредельщики, осознав, какая жуткая участь их ждет, орал, били в дверь изнутри, пытаясь выбраться, – тщетно. Выход был запечатан, и люди наконец-то освободились от паучьего террора. Но история на этом не закончилась.

Пауковцы долбили изнутри весь день. Потом затихли, поняв, вероятно, всю бессмысленность своего стука. Теперь им оставалось только одно – умереть от голода или,

что вероятнее, от жажды. Так и стоял отсек с заваренной дверью, два месяца стоял.

А потом, посчитав, что казнь удалось исполнить в полной мере, отсек вскрыли – люди, посоветовавшись, решили использовать его с большей пользой, чем коллективный склеп. Открывшаяся картина шокировала даже выдавшего виды Родионича. Паук – единственный из всей коды – выжил. Он, встретивший входящих в отсек людей полубезумным смехом, сидел на полу в углу отсека и грыз ногу одного из своих товарищей. А вокруг в разных позах лежало пять с половиной трупов в разной степени разложения.

В отсеке изрядно воняло, но задохнуться нелюдо не дала вентиляция, исправно отбиравшая смрад разложения и доставлявшая все это время свежий воздух. «Пища» была, а вода – что ж, вода, возможно, была запасена заранее... Как бы то ни было – Паук остался жив.

Казнить его не стали, да, признаться, и не смогли – никто не хотел становиться палачом. К тому же, люди посчитали, что бывший сержант наказан достаточно. Право сильного теперь было на их стороне, и они могли позволить себе быть великодушными. Пауку выдали несколько банок тушенки, ОЗК, аптечку, дозиметр, воды, «макара»^[18] с одним патроном – и отпустили на все четыре стороны, выпихнув за дверь Убежища. Понадеялись, что радиация на поверхности довершит то, что они довести до конца не смогли. И напрасно. Не зря говорится, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Паук, умирая, все-таки нашел способ отомстить.

Выгнали его утром, а где-то к обеду в Убежище встали дизеля. Робинзон, спешно начавший выяснять, в чем проблема, сначала недоуменно чесал в затылке – агрегаты были полностью исправны и даже заводились, но, проработав некоторое время, вставали один за другим. Главный техник копался в двигателях час, до тех пор, пока не догадался проверить тягу в трубах, по которым выхлопные газы уходили на поверхность. Тяги не было. Стало понятно, что выходы завалило. На поверхность, надев ОЗК и демроны, спешно выбралась группа из пяти человек – завал необходимо было разобрать немедленно, иначе обитателей Убежища ждала жуткая смерть от удушья.

В этой пятерке был и Данькин отец.

* * *

На новом месте дед Миха с детьми устроился неплохо. Его профессия оказалась востребованной – Михаил Иванович Добрынин всю свою жизнь проработал в сердобских электросетях и, понятное дело, об электричестве знал не понаслышке. Работы хватало – все электрохозяйство Убежища на нем. Где-то подлатать, лампочку заменить, кинуть временку или более серьезную проводку протянуть. Опять же – аккумуляторы, аварийное освещение и даже небольшой трансформатор. Так что человеком он был нужным, отмеченным администрацией, и семейство его ни в чем не нуждалось. Сын, Олег, профессию имел в Убежище бесполезную – до Начала трудился в крупном банке водителем, а вот жена его, Светлана, в детском саду работала, воспитателем. Ей-то сразу занятие нашлось, прямо по профилю, – детишек в Убежище было человек двадцать разного возраста, вот и решили детсад организовать, чтоб родителей для общественных работ на благо жилища освободить. И получилось, что и отец и жена при деле, и достаток в дом несут, а он, вроде как, нахлебник – на общих работах большого пайка не вытрудишь, дают ровно столько, чтоб ноги

таскать. Олег, привыкший к положению кормильца, вынести этого не мог – тяготился.

Дед Миха отчетливо понимал, как повезло ему на старости лет. Единственно – по жене порой тосковал, но тут уж ничего не поделаешь. Как в Небесной Канцелярии распорядились – так тому и быть. У иных вообще все домашние наверху остались, а у него – такая радость: и сын при нем, и сноха! Вот только пообвыкнемся малость, а там, глядишь, и детишки пойдут... Очень уж хотелось деду Михе внуков. Понянчить, поглядеть, как растет потихоньку, в воспитании помочь. Внуки – они ж для стариков дороже и роднее детей бывают! Так что – все вроде хорошо складывалось. Для нынешних обстоятельств, понятно... А потом все рухнуло. В один момент.

Когда завалило вентиляты, Олег в числе пятерых добровольцев ушел на поверхность – так и тянуло его за душу то, что не он, здоровый мужик, семью кормит, а жена с отцом. Хотя в чем-то полезным хотел быть. И ведь отговорить возможности не представилось – дед Миха в тот день в аккумуляторной работал, а Светлана с детишками занималась. Потом только, через час где-то, Света к свекру прибежала. Глаза бешеные, красная вся, волосы растрепаны, слезы... Говорит: Олег на поверхность добровольцем вызвался. И группа уже ушла.

У деда Михи тогда первый инфаркт случился. Всю жизнь был здоров, как бык, – а тут нате вам. Сердце засбоило, отдавая пульсирующей болью в руку, перехватило дыхание... Как стоял, так на месте и повалился. Он прекрасно понимал, что происходит с человеком при единовременном облучении в полторы тысячи рентген... Отнесли в лазарет. Света при нем все время находилась, плакала навзрыд. Окружающие утешали: рано убиваться-то, их вон как навьючили – сверху ОЗК, снизу демроны! Да с такой защитой они там сутки просидят – вреда не будет! Ну, утешили кой-как – девушке-то откуда знать, как оно на самом деле?..

Группа вернулась в полном составе буквально через пару часов. Пришли – как и не уходили: веселые, бодрые, полные сил. Рассказали, что зарешеченные отверстия на бетонных оголовках выпускных трубопроводов, через которые выводились отработанные газы, были заткнуты каким-то тряпьем, а сами оголовки частично завалены строительным мусором. Но главное – возле них был найден пистолет. Тот самый ПМ с одним патроном, который выдали Пауку. Получалось, что заваленные трубопроводы – его рук дело. Самого бывшего сержанта на поверхности не обнаружили – ни живого, ни мертвого. Ну, да и черт с ним. Ушел – нашим легче. Далеко все равно не отойдет, сдохнет по дороге. Так и забыли б об этом инциденте – но судьба распорядилась иначе.

Дед Миха, как узнал, что сын невредимым вернулся, – словно второе дыхание обрел. К тому же, вечером Олег сам пришел отца навестить. С женой под руку – Света сияла. Как же: муж – герой! Считаю, все Убежище эта пятерка спасла, жизнью рискуя. Посидели, поболтали. Олег рассказал, что творится теперь на поверхности: хаос, бардак и разруха. Казалось, всего-то чуть больше полугода прошло, а город уже на себя не похож, дичает без ухода. Дождь, грязь, серость, опавшие желтые листья кругом. Небо сплошь мутной пеленой затянуто, ни единого лучика не проглянет. То снег сыпать начинает, то, спустя мгновение, град хлещет... Неуютно...

Поговорили, проведали, ушли – а деду Михе совсем хорошо. Взбодрился – откуда только силы взялись? Упрашивал Айболита домой отпустить – да тот уперся. Завтра, говорит. Если нормально все будет.

Ну что ж – пришлось ночевать. Спал как убитый, после дневных-то волнений. С утра поднялся бодрый, получил от Семеныча кучу наставлений, горсть таблеток и пожелание «будь здоров – не кашляй». Вышел из лазарета – а навстречу сына на руках несут. И Света,

без кровинки на лице, вокруг бегает. Ночью, говорит, шутил, смеялся. Все нормально было, поташнивало только. А утром встал с постели – и упал. Голова закружилась, вырвало, в рвоте – кровь. Сознание потерял. Она за соседями – и сюда.

Занесли. Айболит враз серьезным сделался, выгнал всех из больничного отсека, заперся. Ненадолго, правда, – спустя каких-то полчаса еще четверых принесли, одного за другим. С похожими симптомами.

Все утро родственники больных под дверью маялись, Семеныч не впускал никого. Вышел только раз – мрачный, выругался по-черному.

– Хорошего не ждите, – говорит. – Лучевая болезнь второй-третьей степени. Антибиотики, протекторы, витамины у меня есть, но этого может не хватить. Возможно, понадобится переливание крови и пересадка костного мозга. Операционная хорошо оборудована, шанс есть, но очень мал. Определитесь, кто будет ухаживать за больными. По одному человеку за каждым. И знайте: если вы зайдете в отсек – обратно я вас выпущу либо со здоровым человеком, либо без него, но только после его смерти. Нечего дрянью всякую по Убежищу разносить: фонит от них, как от реактора.

И потекли бессонные ночи и дни, полные слез, боли и переживаний. Сначала Света за мужем ухаживала, дед Миха под дверью дежурил, любую новость хватал. А уж потом, когда выяснилось, что сноха беременна и Айболит с матом все-таки отогнал ее от постели мужа, – Светлану сменил дед Миха. Кто ж еще?

Умирали ребята тяжело. Айболит прилагал все силы, но что мог сделать он, обычный хирург, не специалист в области радиационных поражений? Не помогли ни антибиотики с радиопротекторами, ни переливание крови, ни пересадка костного мозга. Для таких тяжелых случаев необходимы специальные хирургические либо гематологические больницы. Что можно сделать в пусть и хорошо оборудованном, но не специализированном медотсеке?

Отец с болью смотрел, как с каждым днем сыну становится все хуже и хуже.

Отказывали почки, печень, желудок, весь желудочно-кишечный тракт. Во рту появились язвочки: на языке, нёбе, на губах с внутренней стороны, на щеках. Утром, после ночных мучений, Света меняла постель – белые простыни были сплошь в кровавых пятнах с кусками приставшей кожи. Отходила слизистая, начала трескаться кожа, тело покрывалось волдырями, клочьями лезли волосы. Выходили наружу ожоги... Айболит все время колол наркотики – для сна. Во сне не так больно, не так мучительно...

Умер Олег спустя две недели. Только перед смертью пришел в сознание на несколько минут. Тогда-то дед Миха и сказал сыну, что Светлана беременна. Олег улыбнулся сухими, потрескавшимися губами.

– Данькой назовите... – прохрипел, ворочая черным, распухшим, не вмещающимся во рту языком. – Если пацан... Русский он, и имя должно быть русское...

И через пару часов умер, не приходя в сознание. А вслед за ним, вереницей, с перерывами в два-три часа, и остальные ушли.

Дед Миха и Света тогда уже понимали, что к чему. Готовились. Знали, что долго не протянет. И все же смерть его далась обоим очень тяжело. Единственное утешение осталось – ребенок.

Айболит честно предупредил, каким может родиться малыш. Зачатие, вероятнее всего, произошло как раз в ту ночь, когда Олег вернулся с поверхности. Получалось, плод мало того что подвергался облучению все то время, когда Света ухаживала за мужем, так еще и к моменту зачатия мужская половая клетка уже были затронута радиацией. Семеныч

предложил только один выход – аборт, ибо ничего хорошего из облученного плода не вырастет. Света, естественно, отказалась наотрез – ребенок был последней памятью о любимом муже. Айболит, превратившийся в Убежище из хирурга во врача общей практики, контролировал развитие плода все девять месяцев беременности. И с растущим удивлением отмечал он, что плод развивается без каких-либо патологических изменений с физиологической стороны. Руки-ноги-голова на месте, все в положенных количествах и пропорциях, сердце бьется, ребенок шевелится, ногами-руками внутри пихается. Мать была счастлива – сын здоров! Оставались, правда, опасения насчет умственного развития, но это уж УЗИ не определит. А вот со здоровьем самой Светланы было не очень. А как же иначе: столько времени находиться в палате, которая в радиоактивный могильник превратилась. Все-таки получила она свою дозу. Дозу, которой хватило ей на то, чтобы спустя несколько месяцев после рождения мальчика уйти вслед за мужем.

И остался дед Миха с грудничком на руках один.

Глава 3

Аки тать в ночи

Из Убежища вышли в десять. Чтоб не мучиться и не колупаться в полной темноте, решили подготовить все по сумеркам, затаиться часиков до двух, а в часть лезть в самую глухую пору. План разработали днем, и выглядел он не сказать, чтоб безупречно, но довольно убедительно. Данил решил рискнуть и использовать кладбищенского миксера, а светошумка – это так уж, для общего прикрытия.

Собрались быстро, шли налегке. В таком деле, как короткая разведывательная операция, лишнего на себе тащить не стоит. Данил из оружия захватил только «винторез». Остальное, по мелочи – ножи, саперная лопатка, веревка с кошкой, бинокль, мультитул^[19], пластиковый тубик с кайенской смесью^[20] в набедренном транспортном подсумке, плоский рюкзачок с гидратором^[21], завернутым в кусок демроновой ткани, – вообще всегда с собой. Без этого инструментария любой сталкер как без рук. И еще «Леший» в скатке на спине – очень уж хотелось опробовать! У Саньки – нож, та же лопатка, веревка. И – АК-9^[22] со всеми навесными опциями. Давно о нем мечтал и все-таки выпросил у полковника. Думал – хрена, но надо же – тот дал, не отказал. Видимо, сведения о караване и впрямь нужны были позарез.

Ну и, понятно, помимо всего прочего еще и стандартные наборы для выхода на поверхность: противогаз, защитный комбинезон, аптечка. Без защиты пока еще никуда, хотя радиация и сдавала с каждым годом позиции. В зданиях-то фон держался еще, в некоторых под пять сотен лез, иногда даже больше, но на улице, зачастую, не превышал десяти – пятнадцати рентген. А вот в Питере или Москве, говорят, да и вообще в любом крупном городе, вблизи которых базировались большие войсковые части или важные военные объекты, фонит – не приведи господь. Торгаши проезжие рассказывали. И долго еще фонить будет – туда не жалея отбомбились. Хотя, говорят, и в таких местах есть выжившие. В Москве, вон, вообще в метро живут. Правда, Данил в эти сказки не верил. Дед рассказывал, что в десятые годы в Москве такое воровство стояло – перли все, что под руку попадет. Все покупали, все продавали. Если и было что в метро – наверняка порастащили. О чем тут разговор, когда даже бомбоубежища под клубы-рестораны-склады сдавали. А новый хозяин как вселится, так и борзеть начинает. Перестроит что-то или лишнее, как ему кажется, уберет. А бомбарь уже не бомбарь, если там гражданский похозяйничал. Так, скотомогильник. Ни от радиации, ни от химии-бактерии не спасет. Так что вся европейская часть страны теперь один большой ядерный полигон. А вот на Урале или в Сибири – там да, народу поболее выжило.

По хорошо знакомой тропке в обход части напарники спокойным ходом, с оглядкой, добрались до южной окраины кладбища. Присели за полуразрушенным домиком сторожа, огляделись. Войсковая бетонка тянулась вдоль кладбища с севера на юг, метрах в трехстах от сторожки. Могилки лезли чуть ли не в часть, лепились вплотную к бетонным секциям забора. Через равные промежутки бетонку оседлали семь вышек, одна из которых торчала прямо напротив. Поверху колючка, понятное дело. Собачки погавкивают. Из-за забора видны торчащие вверх стволы пушек, обернутые драными остатками чехлов, обшарпанные темно-зеленые верха автомобильных кунгов, штабеля ящиков – все ржавое, гнилое, трухлявое.

Метрах в семидесяти от кладбищенских ворот – АЗС роснефтевская, а рядом с ней старая водонапорная башня. Дед говорил, что незадолго перед Началом ее продавать начали, да так и не продали. Кому она нужна-то, нашли дураков.

– Ну чё? – Данил наклонился к товарищу, уперся лбом в его противогаз – так легче было разбирать бормотание из-под двух слоев резины. – Начнем?

– Угу... Тогда я на заправку пошел, светошумку ставить, – Сашка оглядел в бинокль окрестности. – Думаю, самое время, пока пусто, а то к ночи собачки соберутся.

– Давай. Потом сюда подтягивайся, а я пока миксера поищу.

Разошлись.

Лавируя между деревьями, Данил направился вглубь кладбища, пробираясь вдоль оградок заросших высоченной травой могил, обходя кусты и огромные валуны, оставшиеся от старых склепов. Идти старался тихо, но не всегда получалось бесшумно протиснуть свои сто десять – плюс снаряга – полновесных килограммов боевой массы в узкие проходы между оградами. Поглядывал по сторонам, высматривая хищную флору и фауну, но такой пока вроде бы не наблюдалось. Правда, один раз, высоко-высоко в небе, пролетела птица Рох, однако с такого расстояния среди деревьев и высокой травы разглядеть человека даже она была не в состоянии. Данил на всякий случай замер, провожая мутанта взглядом, перевел дух – не заметила, можно идти дальше. Это ведь именно против таких птичек на крыше вокзала стоит спарка зенитного пулемета. Обычным «калашом» ее не одолеешь, разве что сразу десятком стволов да в упор принять.

Двигался он к центру, поглядывая иногда на дозиметр, отмечая неуклонно растущий фон. На северной окраине кладбища, отделяя его от разбитой дальше парковой зоны, лежало небольшое озерцо... Именно от этого озерца фонило, именно оно и было местом обитания кладбищенского монстра.

Пропустить его Данил не опасался. Миксер бил на расстоянии, а чем бил – до сих пор оставалось загадкой. Одни склонялись к тому, что он, как и сирены, орудует инфразвуком, испуская звук узким направленным пучком, другие стояли за ментальные способности. Сам Данил склонялся к звуковым волнам. Еще в детстве он обнаружил, что к низким звуковым частотам его организм более чувствителен, нежели организм обычного человека. Что стоила хотя бы органная музыка, которая частенько играла в часовенке у отца Кирилла, – маленькому Даньке от такой музыки всегда становилось тревожно и неудобно, и он, не высидев и пары минут, вставал и уходил. Вот и после атак миксера ему всегда становилось не в пример хуже, чем остальным... Словом, как бы то ни было, по мозгам мутант умел врезать неплохо. Долбанет с расстояния в сотню с лишним метров так, чтобы сознание на некоторое время выбить, а потом, пока жертва в беспамятстве лежит и времени вагон, подгребет к ней своей ломаной шаркающей походочкой, сломает и – жрет. К самому же монстру подойти ближе двух десятков метров без последствий не получалось. По мере приближения – мушки в глазах, картинка двоится, шатает, как после поллитры. Именно эти-то прелести Данил и ждал, чутко наблюдая за организмом.

Ждал – и дождался. Внезапно резко поплохело, картинка потеряла четкость, поплыла. Данил резко тормознул, сдал назад, выходя из зоны контакта. Огляделся, подыскивая подходящее дерево. Метрах в десяти увидел разросшийся крепкий корявый дуб. Полез, оскальзываясь на влажной коре и чертыхаясь про себя относительно неприспособленного для таких упражнений одеяния. Наконец добрался. Устроился с относительным удобством в развилке, навалившись грудью на сук. От земли здесь было метра четыре, не так уж и

высоко, но все равно озеро виднелось, как на ладони.

Принялся выискивать монстра, шаря взглядом по окрестностям озерца. Темная свинцовая гладь, точно зеркало. Даже летом в ветреную погоду – ни рябинки. А если и упадет что-то в воду – шишка там с дерева или просто, если камень кинуть – так ни кругов, ни всплеска. Исчезает без следа, будто и не было. Жуткое озеро, как черная дыра. Не только Данил с Сашкой, но и все остальные сталкеры Убежища всегда обходили его стороной. И дело не только в этих странностях или повышенном радиационном фоне. По мере приближения к озерцу возникало у человека чувство какой-то тоски, потерянности, обреченности. И словно тянуло что-то к озеру, затягивало... Почти у самого берега чувство это становилось настолько глубоким и острым, что хотелось бросить все, послать всех к чертовой матери, завывать в небо от тоски и ползти напрямик в темную тяжелую воду. И выли, бывало. Помнится, в первый раз, когда напарники сюда наведались, Данил Сашку, захлебывающегося в слезах и соплях, на руках вытаскивал. Благо, что порядочно сильнее него.

И то употел весь – напарник не давался, норовил выскользнуть из рук, рвался к озерцу. Пришлось по башке навернуть, иначе не вынес бы – сам с нахлынувшим депресняком боролся. А вот Кишонок так и пропал. В бинокль потом, у самой кромки воды, его противогаз, «калаш» и подсумок видели. Герман видел, да только за ними не полез, несмотря на жесточайший тогда дефицит боезапаса, – дураков нет. Правда, и доказательств, что Кишонок в озере искупался, тоже нет. Все его барахло исчезло куда-то, и когда поисковая группа через сутки добралась до озера, найти его так и не смогли. Но не верить Герману смысла нет, они с Кишонком напарниками были. А ближе напарника у сталкера кто? Известно, только жёны да дети. Если есть.

Просидев на дереве с полчаса, пока совсем не стемнело, Данил все-таки заприметил миксера. Мутант стоял на противоположной стороне озера в зарослях камыша по пояс в воде и через равные промежутки времени окунался в воду по самую шею. При этом на поверхности оставалась торчать только здоровенная голова, больше половины объема которой составляла выпуклая теменная область.

«Разжарило, что ли? Вроде ночь скоро, прохладно, а он купаться вздумал...» Данил впервые видел, что миксер так вот запросто контактирует с водой. Хотя, вроде, обратных сведений тоже не поступало. Надо это запомнить. Сведений о мутантах мало, никто их в живой природе не наблюдал – смертников нет, – потому и знания об их повадках отрывочны. Хотя известно, например, что тот же куропат воды боится до визга. Стоит встать в воду даже в метре от него – так и будет вдоль берега слоняться, клекотать и реветь, но в воду даже кончиком когтя не ступит. При всем при том – на дождь реагирует нормально. Загадка.

Тут внизу шумнуло – Данил от испуга чуть с дерева не сковырнулся. Подскочил метра на полтора вверх по стволу, рванул из-за спины лопатку, а уж затем и вниз глянул. Под деревом стоял Сашка, махал руками. Спускайся, типа. Данил разозлился... Я те ща спущусь! Напугал, гад, до полусмерти!.. Хотя, конечно, сам виноват – потерял контроль над местностью. Родионыч всегда за это пистоны вставлял – грубейшая ошибка!

Сполз вниз, уселся, привалился к дереву, стараясь отдышаться от адреналинового удара. Сашка присел рядом.

– Ну как?

– Да как... Поставил. Прямо на крышу примостил.

Данил кивнул, развязывая баульчик с маскировочным костюмом. Вынул – залюбовался.

Костюм был выполнен в виде плащ-накидки, закрывающей все тело и ноги чуть ниже колен. По всей площади нашиты свисающие и свободно болтающиеся лоскуты пятнистой ткани. Цвет какой-то болотный, глазу зацепиться не за что совершенно. Объемный утягивающийся капюшон с маскировочной сеткой для лица. На капюшоне – тесемки для крепления веток. На запястьях тоже ремешки для стягивания по размеру, чтоб рукава не болтались и всякая хрень туда не лезла. Словом – плащ-невидимка, а не накидка. Трех ящиков тушенки точно стоит, если не больше. Были бы – выменял у войсковых не задумываясь.

– Хорош... – протянул сидящий рядом Сашка. – Ну да мой «калаш» все-равно лучше.

– Уж конечно, – ухмыльнулся Данил, натягивая накидку поверх демрона. – Своя рубаха, понятно дело, ближе к телу.

Надел, набросил на голову капюшон, примостил сетку на место, стянул ремешки по запястьям. Попрыгал – ничего не звенит, ни скрипит. Ну – с богом!

– Сань, сверим часы. Сколько?

– Одиннадцать пятьдесят семь.

– То же. Короче, как и договаривались, – в часть не лезешь, сидишь на подстраховке. Миксера я тебе нашел, монокуляр есть. Лезь на дерево и следи. Смотри, не упusti, темень уже. Начинаем в два. Прижимай его к забору, да не скрывайся, глушак сними. Пусть войсковые думают, что сталкеры на мутантов нарвались, отстреливаются. В темноте ведь не разберешь. Но смотри, у них патронов много, могут начать наугад садить. Осторожнее! Как прижмешь, подожди там минуту – и отходи. Если миксера сразу положат – взрывай шумовку. Она хоть мощная?

– Бабах клялся и божился, что хватит! А ты его знаешь! – голос Сашки повеселел. – Он скорее в большую сторону ошибется, чем в меньшую. Маньяк-взрыватель, мля.

– Ладно, поглядим. Если же он хотя бы минуту у забора продержится, чтоб я под шумок пролезть успел, – иди к заправке и жди до утра. Взрывай в пять и будь у крайнего дома. Ну, тот, беленький такой.

– А, это который с торца заправки? Там еще мачта во дворе торчит.

– Да.

– Понял, сделаю.

– Ну, тогда давай, Сань. Пожелай мне чё-нибудь. И кулаки держи. Пошел я, мне еще место выбирать.

– Ни пуха, что ли...

– К черту!

* * *

Пока Данил перепаживал пузом окрестности, прошло часа полтора. Место он все-таки нашел, остался доволен. Засел за памятникком, метрах в пятидесяти от ближайшей вышки, глянул на дозиметр – полтинник. Терпимо. Демрон – не ОЗК, держит отлично, от полтинника хорошо если полтора-два рентгена пропускает... Оглядел местность, по которой придется прорываться, на предмет одуванов, выюнов и сирени – вроде чисто. Прикинул. Как Санька палить начнет – миксер уходить будет, тоже не дурак под пули-то лезть. Сашка его к забору должен погнать, а свернуть захочет – отсечет. Войсковые на вышках переполошатся, конечно. Что за кипиш? Сами на выстрелы могут пострелять, им патронов не жалко,

сигналок мальчика пустят для освещения – это понятно. Прожектора-то не горят почти – откуда напряжение взять, если для убежища едва хватает? А как подойдет миксер, зрение поплывет – вот в этот момент и идти, не раньше.

И как можно быстрее – вдоль забора локалка^[23] на локалке, задерживаться в них надолго очень не желательно. Можно было и просто через забор сигануть, без лишнего шума, не будь там собачек. А так – лай мгновенно поднимут и даже если и не порвут, то войсковые вслепую, на звук, тоже хорошо садят, наловчились. Шанс есть, собачки миксера боятся, едва учуют – разбегаются. Ну а там уж как выйдет. Проволоку резануть – мультитул всегда с собой – и в дыру. Быстренько заплести, чтоб собаки, тварюги нюхастые, дыру не нашли и в часть не просочились. А то наведут там шороху, а разбор начнется – на дыру в колючке-то и выйдут. И доказывай потом, что ты не верблюд. А так – шум, конечно, будет, но то, что это дело рук вокзальных, никто и не подумает, все миксер на себя возьмет, а нам только того и надо. Доложат потом главному: так, мол, и так, товарищ Прапор, вероятно, сталкеры нарвались на миксера, отстреливались. Миксер почуял, что людишек не достать, попер в нашу сторону и был положен на подходе доблестной охраной периметра. Медаль нам за проявленную отвагу и героизм, будьте любезны.

Оставшиеся полчаса Данил спокойно продремал. Проспать не боялся, внутренний хронометр редко давал осечки. Так и случилось. Когда ночную тишину в ключья разодрала автоматная очередь откуда-то с центра кладбища, он уже был наготове – лежал, выглядывая из-за памятничка, смотрел во все глаза в сторону забора, ждал реакции войсковых.

Реакция, надо отметить, последовала мгновенно – над кладбищем тут же повисли три или четыре сигналки, освещая все вокруг призрачным дрожащим светом. Данил прижался к земле, отполз в тень. Хотя и не должны вроде заметить – но чем черт не шутит... Тишину вспорола вторая очередь, затем третья – Сашка бил экономно, короткими очередями, выводя монстра прямо к части. Рывкнуло.

С двух ближайших вышек в сторону выстрелов улетели заряды «шмелей». Данил чертыхнулся – стреляли зажигательными. Вот идиоты! Хорошо хоть не в лес – спялят все кругом и сами стоят!

И так вон занялось!

Занялось и впрямь хорошо. Далеко заряды не улетели, разорвались о стволы деревьев, торчащих в этой части кладбища довольно часто, и теперь горящий напалм освещал все вокруг багровым пляшущим светом. С кладбища опять раздалось несколько очередей, затем продолжительная пауза и еще одна, длинная, на полмагазина. И тут же Данил почувствовал давление на мозг – миксер был уже близко. Стараясь держаться в тени оград, сталкер пополз вперед.

С вышек застучали пулеметы, с одной кто-то заорал – Данил не расслышал, полз, протискиваясь в проходах, проползая под оградками, ныряя в растущие то тут, то там кусты. В глазах двоилось, картинка плыла и подергивалась, но он надеялся, что охрана на вышках тоже находится в зоне влияния мутанта.

Бросок на последние полтора десятка метров он преодолел под яростный стрёкот дозиметра и оглушительную пулеметную пальбу – не оборачивался, но чувствовал, что миксер близко и охрана его уже заметила. Рухнул под вышкой, огляделся, судорожно выдирая из рюкзака веревку. Перед глазами плыло, раскачивалось, и, видимо, именно это и мешало пулеметчикам с вышек раздербанить четко виднеющегося на фоне горящих деревьев монстра. Вроде и садят в него длинными очередями, стволов не жалея, – а хрена. Размотал

веревку, кинул, пытаясь зацепиться кошкой за торчащую между опорными бревнами вышки распорку и молясь, чтоб за грохотом очередей не расслышали удара, – и тут замолк пулемет на вышке справа. Миксер, похоже, тоже времени не терял. Понимая, что время уходит, Данил подергал веревку. Есть! Крепко сидит! Подпрыгнул, повисая и упираясь ногами в забор. Внезапно над головой рывкнул «шмель». Заряд ушел с шипением и разорвался где-то недалеко. Краем сознания Данил отметил – мимо. Площадь поражения зажигательного снаряда – до пятидесяти квадратов на открытой местности. Это что ж там за стрелок сидит косой, что прямой наводкой с расстояния в полста метров да при такой площади поражения попасть не может? Но напалмом, видимо, мутанта все-таки задело, хоть и краем, – на мгновение картинка встала на место. Перебирая руками, Данил мгновенно взлетел вверх, перешагнул колючку, дотянулся до распорки, отцепляя кошку, и, зацепившись носком берца за верхний ряд егozy, свалился по другую сторону забора. Хорошо – успел извернуться в полете и приземлился на ноги, «винторез», висящий на спине, не пострадал.

А то пристреливай потом. Если вообще цел останется...

Картинка опять подернулась рябью, но тут над головой снова рывкнуло, зашипело – и все, зрение обрело окончательную четкость. Ага, значит, монстра ухайдокали. Теперь – быстро! Данил скомкал веревку, сунул под накидку, присел у ограды из колючки, огляделся – собачки, как и предполагал, разбежались. Выхватил мультитул, развернул, превращая в кусачки. Руки работали споро, отточенно. Хвать, хвать, хвать – дыра готова, можно лезть. Сдернул «винторез», упал на спину, толкаясь ногами и извиваясь, ускребся под колючкой. Вылез с другой стороны, присобачил проволоку назад, заплел поаккуратнее, рванул из нагрудного кармана плоский тубик с кайенской смесью, сыпанул щедрой рукой – и метнулся в темноту, благо свет от пожара, устроенного охраной, за забор не проникал. Заполз под стоящий неподалеку полусгнивший грузовик, замер, огляделся. Фу-у-ух! Все, первый этап пройден.

Однако засиживаться не стоило – в любой момент по тревоге народ набежит, тогда выбраться отсюда будет значительно труднее. Данил еще раз осмотрелся, оценивая обстановку. Охрану пока со счетов можно сбросить: во-первых, у них все внимание сейчас за периметр, мутантов высматривают, а во-вторых, глаза к темноте после пожара еще не скоро привыкнут. Опасность может исходить только от патруля, но этих вроде тоже не видать... Ну, раз чисто – тогда вперед.

Сталкер выбрался из-под днища, скользнул за штабеля ящиков, возвышающихся рядом, а затем нырнул в лабиринт из стоящих стволами вверх пушек, стараясь побыстрее выбраться из поля зрения охраны с вышек. Кто их там знает, может, среди войсковых тоже, как и среди вокзальных, есть мутанты, которые в темноте как днем видят? Данил забрался поглубже, присел у спущенного пушечного колеса с полуистлевшей резиной. Задумался, выбирая маршрут. Стоянка грузовой техники, на которой с большой вероятностью и разместился пришедший караван, находилась метрах в трехстах от ворот части, с южной стороны. А он пролез с востока. Как искать? Проще всего было бы идти вдоль колючки до ворот, а там уже и стоянка рядом. Но это хрен вам, за колючкой собаки. Учуют, загавкают – и все, конец всем секретам. Значит, надо углубиться в территорию и затем повернуть на юг. Только вот как двигаться по незнакомому объекту? Данил у войсковых бывал всего раза четыре, да и то дальше бомбоубежища, находящегося под штабом части, его не пускали. Да и не только его – вообще никого не пускали. Войсковые были ребятами подозрительными. Еще бы, такие богатства караулят!

Данил прикрыл глаза, принялся вспоминать. Здание штаба стоит приблизительно по центру территории, сразу же за нужной нам стоянкой. Рядом плац, по обе стороны от него – казармы. Необитаемые, естественно, потому как фонят за милую душу. Если стоишь на плацу, то, как раз на востоке, между казармами и штабом, видны складские ангары. Огромные, по три в ряд. Уж мимо них точно не пройдешь, заметишь по-любому. Тогда что у нас получается? Получается, что надо искать эти ангары, а от них уже плясать до штаба. Там обойти за казармами – и наткнемся на стоянку. По идее, так. Данил вздохнул. Насколько проще было бы, имей он хоть какой-нибудь планчик. Однако где ж его достанешь? Не торговшей же войсковых пытаться. За такое дело сразу война. И не факт, что вокзальные в ней выиграют. В прошлый раз войсковые не пожелали продолжать драку только потому, что мало их было и о противнике они ничего не знали. Сами пересрали, думали – сила великая на них идет. А теперь-то они в курсе что к чему, да и детишки у них подросли, тоже стрелять обучены. Так что человек пятьдесят бойцов точно выставят. Да вооружением подкрепят, не чета вокзальным. КПВ да зенитные пулеметы, самое мощное вооружение вокзальных, – ерунда. Войсковые пару-тройку пушек точно смогут собрать из всего этого хлама вокруг. А может, и БТР, чем черт не шутит. А что – соляра, вон, на нефтебазе есть, хоть залейся. И хотя войсковые знают, что нефтебаза – это территория вокзальных, что из Убежища до нее давно уж подземный ход прорыт, – в случае объявления войны они об этом могут и забыть. Пока что пробраться туда никто из них не смог – найти проход в бесконечных локалках вокруг ее территории, с излучением в пару тысяч рентген, не представлялось возможным. Но если припрет по-настоящему, если встанет вопрос жить или умереть – найдут, можно не сомневаться. А если и не найдут – парочку смертников пустят по жребию, вот вам и полон бак. И как тогда с ними справляться? Правда, тут имелось одно «но» – когда стало известно, что в части тоже есть выжившие, причем большинство из них мужского пола, из Убежища туда ушло человек двадцать молодых девушек из тех, кто второй-третьей женой быть не желал. Зачем быть второй или третьей, когда можно быть единственной? Вот и получилось, что войсковые и вокзальные теперь вроде как бы и в родстве... Потому-то, что бы там ни говорил полковник, Данил в войну с войсковыми не верил. И Овчаренку, способного отравить Убежище газом, тоже в роли злодея как-то не представлял. Может, просто потому, что не встречался еще с вероломством и предательством?

Данил тряхнул головой, собираясь с мыслями. Ладно, философствовать потом будем. Глянул на часы – полтретьего. Едрить ту Люсю! Два с половиной часа осталось, а не сделано еще ни хрена! Ну-ка, хватит жопу греть, вперед!

От площадки с пушками двинулся к югу. Короткими перебежками, ныряя то под днища вставшей на вечный прикол и ржавеющей теперь техники, то прячась в тени штабелей трухлявых ящиков, то на короткое время, нужное, чтобы осмотреться и замерить фон, замирая у стопкой сложенных то тут то там по всей территории части бетонных плит. Единственное, чего опасался, – напороться на патруль. Именно для этой цели и взял с собой ВСС – ножом или даже саперной лопаткой с несколькими человекам по-тихому не справишься, обязательно кто-нибудь шумнет. Винтовка – дело другое. Раз – и все, ваших нет, остались наши. С близкого расстояния можно прямо по корпусу садить. Пуля тяжелая, скорость дозвуковая – редкий броник держит.

Так, двигаясь то перебежками, то ползком, он вышел наконец-то куда планировал – к ангарам. Проскочить их действительно было трудновато – громадные железные конструкции возвышались метров на двадцать. Если б не ночь, тогда б и плутать не пришлось, наверняка

издали заметны. Значит – стоянки и штаб где-то близко. Это обнадеживало. Время осталось – два часа, а ведь надо еще караван найти, осмотреть и назад вернуться.

Двигаясь ползком и постоянно озираясь по сторонам, Данил миновал ангары. Остановился у крайнего, прижался спиной к металлической ребристой стенке – дозиметр при этом заверещал как проклятый – и выглянул из-за угла. Вот она, цель! Вон штаб, угол отсюда виден, перед ним темнеет большое, заросшее всякой дрянью пространство – это плац. А здания по краям – казармы. Нашел-таки! Дернулся было на радостях к крайней казарме, да тут же рухнул на землю, вновь откатываясь к ангару, – из-за угла казармы, напрямик в его сторону, вывернули три темных силуэта. Патруль! М-мать! Один из патрульных светил перед собой фонарем.

Данил шустренько попятился назад, уперся в металл ангара, лег, пытаясь слиться с землей. Лихорадочно нащупал кнопку, вырубая заоравший вновь дозиметр. «Да в курсе, что фонит! Заткнись! – Глянул исподлобья. – Ни хрена себе, войсковые жируют! Батарейки к фонарям у караванщиков покупают! Тут раз в три месяца купишь пальчиковую для дозиметра – и хорошо! А оне с фонаря-я-ями... Одна батареечка стоит три рожка “пятерки”, да еще не известно, сколько проработает!.. Ротшильды, мля! Это у них-то патроны на складах заканчиваются? Ну, Плюшкин, ну, сказочник!»

Патруль, между тем, двигался в сторону ангара, возле которого залег диверсант. Данил потел. Вот ведь попадос! Убивать нельзя, Родионыч велел без шума и пыли. И двинуться нельзя, даже за угол не завернуть – сразу заметят...

«Я – куча мусора. Я – куча мусора... – в отчаянии он даже начал гипнотизировать приближающиеся силуэты. – Лежу тут давно, воняю... Ну на хрена вам, ребята, всякое дерьмо? В мою сторону даже смотреть противно, идите себе мимо. Вляпаетесь еще...»

Помог, конечно, не гипноз. Данил в своей накидке и впрямь очень здорово смахивал на бесформенную кучу дряни, которая в изобилии валялась вокруг. Патрульные, вполголоса разговаривая, прошли – даже ухом ни один не повел, хотя диверсанту казалось, что стук его сердца слышно сейчас даже в бомбоубежище войсковых.

«Фу-у-ух... Твою дивизию... Теперь быстренько!» Данил вскочил за спинами уже отошедшего порядочно патруля, пригнувшись, рванул к казарме. Добежал, впечатался всей широченной площадью спины в стену, сполз вниз, заглянул за угол, держа наготове «винторез». Чисто. Прикинул: через заросший плац идти не стоит – там всякой дряни полно, даже одуваны есть. А с самого края, у входа в штаб, куст сирени растет. Видел, когда был здесь в последний раз год назад. Кустик с тех пор наверняка еще больше разросся. С сиренью шутки плохи. Заденешь листья, газ выделит – и общий привет. Значит, пойдем вдоль казармы за патрулем – так шансов меньше на следующий нарваться.

Сказано – сделано. Мотающееся из стороны в сторону пятно света виднелось уже в порядочном отдалении. Данил огляделся, выискивая опасность, – и крадучись, короткими перебежками, рванул краем ангаров вслед. Пробежал мимо казармы, штаба – и вот она стоянка, добро пожаловать!

Да только никаких машин на стоянке не было...

«Ах ты, твою ж мать! – встав как вкопанный, он чуть не взвыл с досады. – Вот бляха-муха! Полчасти на пузе впустую прополз! Куда эти машины долбанные загнали, где искать-то теперь? Да и времени нет уже, утро скоро!.. Чё делать, чё делать... – мозг лихорадочно заработал. – Так. Во-первых – спокойно! Во-вторых – ну-ка дергай отсюда, хватит стоять как цапель посреди болота! – Укрылся между ангарами, огляделся. Тишина. Рассвет потихоньку

подползает – небо на востоке светлеет уже. – И какие варианты?.. Думай, башка, думай! – коротко задышал, стараясь успокоиться. – Как там полковник-то сказал? Никого не убивать без нужды, не засветиться? Есть, товарищ полковник, вашу мать! Ключевое слово – “без нужды”! Нужда есть и времени в обрез! Так что, вероятно, будем убивать, но не светиться. И по возможности – уберем за собой». Данил потихоньку успокоился – план выкристаллизовывался. Патруль трогать не надо, это шум ненужный, а вот с охраной на вышке побеседовать можно.

Только сначала средство убеждения раздобыть.

* * *

Вчера Пашке повезло. Караулы назначали – молился, чтоб выпало на вышке дежурить, а не по территории в патруле ползать. Самое ненавистное дежурство – бродишь по темноте всю ночь, километров двадцать намотаешь, а ноги-то не казенные. Хоть и молодой совсем, на днях только пятнашка исполнилась, – а все равно задолбаешься. После дежурства ноги от щиколоток до паха гудят – жуть! Совсем другое – на выщечке. Самое милое дело! Сидишь себе на высоте, через бортики по сторонам поглядываешь, пулеметом туда-сюда вертишь. Когда ракетупустишь, типа, подозрительное что-то показалось, когда псин подразнишь. Эх и злобные твари, мутанты. Киданешь тряпье какое – в клочки раздерут. Это даже поощрялось – типа, выработка у псин высокой злобности и агрессивности. Пашка приноровился веревку к палке привязывать, старыми штанами обматывать и вниз кидать. Псины прыгают, а он вверх дергает. Они достать не могут, бесятся, аж пена в стороны клочьями из пасти. Веселуха!

Вот вчера весь день икру и метал – куда назначат. И на тебе, на вечернем построении, когда наряды раздавали, – вышка! Да не просто вышка – а на восточной стороне вышка, у кладбища, на самом интересном месте! Тут, бывает, и мутанты бродят! Вон, когда Кулек в позапрошлый раз дежурил, куропат на них попер. Приняли того куропата в три пулемета, куда только пушок полетел! Эх и завидовал тогда Пашка... Ну да ничего, сегодня будет чем ответить, обделается Кулек от зависти. Еще бы – миксера ночью завалили! Что там куропат... Начинил на расстоянии тушу свинцом – и все. А вот ты миксера сделай, когда в глазах двоится и пляшет все! Небось, потруднее будет!

Дежурил, дежурил – ну а под утро задремал. И снился сон, будто бы рассказывает он другу Кольке, как пятерых миксеров завалил, а тот только слюни от зависти пускает... Потому и проморгал момент, очнулся, только когда вышка затряслась, – разводящий по лестнице аж бегом поднимался. Чё, тревога?! Вскочил заполошно с патронного ящика, все еще в сонной одуре, вытягиваясь по стойке «смирно» – доложить, – и... успел только уловить, как в дверной проем ворвалась какая-то бесформенная куча. Потом мелькнуло что-то темное, посыпались искры из глаз, и – темнота...

* * *

Скорчившись под давешним полусгнившим грузовиком, Данил настороженно осматривал протянувшуюся вдоль забора из колючки полосу чистой земли. До вышки метров тридцать, и скрытно преодолеть их никак не возможно. Да и посветлело уже изрядно. Тихо

вокруг... Собачек вроде как тоже не наблюдается, после миксера не скоро сюда вернуться... Что ж, деваться некуда. Риск – дело благородное.

Вытащил лопатку, приподнялся, упираясь на руки, огляделся еще раз вправо-влево – и рванул с низкого старта по направлению к той самой вышке, под которой ночью прыгал. Два удара сердца – и он у лестницы. Тормозить некогда, одна надежда, что часовой сразу палить не начнет, сначала посмотрит, кто это поднимается так резво. Взлетел на верхнюю площадку, сунулся в проем – а навстречу с ящика фигура в ОЗК подскакивает, во фрунт^[24] вытягивается... Вот дисциплинка! Ни тебе – «стой, стрелять буду», ни – «разводящий ко мне, остальные на месте»^[25]... Данил от дверного проема, не снижая скорости, прыгнул вперед и, сбив горе-караульщика с ног, рухнул сверху прямо на него. Выхватил из чехла на левом предплечье нож, намереваясь продолжать, – однако караульный безвольной соплей лежал на деревянном настиле вышки, даже и не намереваясь сопротивляться. Данил выглянул из-за бортов, огляделся. Вроде тихо, никто его броска не заметил. От грузовичка до вышки метров тридцать, а поди ж ты... Хромает у войсковых дисциплинка-то, на обе ноги хромает... Спят, что ли? Он приподнял противогаз, поглядеть, кому чуть голову не снес. Знакомый парнишка. Как его?.. Пашка вроде... Дрых, поди, как сурок. Хотя чего еще от пацана ожидать? Раздолбай. Как такого только в караул пустили. Сталкер наклонился над лежащим, еще раз проверяя пульс, – жив. А он-то уж было испугался, что насмерть. Ударил-то локтем, да на скорости, да после еще на него же и завалился, чтоб падение ускорить. Думал, бугай здоровый какой, перестраховывался, а тут этот...

«Ладно, хватит разлеживаться. Не дома чай, в кровати... Просыпаемся!»

Данил похлопал лежащего по щекам, высосал немного воды из шланга гидратора, оттянул край противогаза, плеснул под резину. Пацан вздрогнул, заворочался вяло, попытался встать. Сталкер придавил горе-караульщика своим весом, прижал к горлу нож. Парнишка застыл.

– Слышь, охрана, тебя чё, не учили, что много спать – вредно? – прошипел Данил ему на ухо. – Заспишь вот так, а тут выродок подкрадется – и хватъза жопу! Как без филея дальше жить?

Караульщик попытался шевельнуться, но Данил посильнее даванул, задирая лезвием резину противогаза.

– Тихо, тихо... Ты смирно лежи, не шевелись. Шевелиться раньше надо было. Я тебе – вопрос, ты мне – ответ. Тогда полюбовно разойдемся. Как тебе вариант?

Из-под противогаза гукнуло.

– Не понял...

– Да пошёв ты... – гукнуло явственнее с польским акцентом – пары зубов парень в результате удара, похоже, все же лишился.

– Ага. Типа, герои мы. А если я тебя сейчас резать начну? Я ведь долго могу резать. И больно... А могу и собачкам тебя скинуть. Как такой вариант?

Противогаз хранил гордое молчание, хотя хозяина начала бить крупная дрожь и что-то залязгало. Зубы, что ли?

«Хе. Сталкер, мля... С мальчонкой справился...»

– Мне и надо-то всего ничего. Никаких стратегических сведений. Про караван только узнать. Пришел караван-то?

Пацан завозился, кивнул.

– Вот, молодец! – Данил ободряюще погладил резину по макушке. – А привез-то чего?

Противогаз опять молчал. Данил делано вздохнул.

– Ох, огорчаешь ты меня, охрана... Все-таки скину я тебя собачкам... А лучше знаешь что? Нет, собакам, пожалуй, не отдам, – он уселся на груди пацана, придавливая ногами его руки к деревянному полу вышки. – Тут вот поинтереснее средство убеждения имеется...

Расстегнул ремешок и аккуратно – очень аккуратно, за стебель парашютика, – вытащил из темноты подсумка семечку одувана. Парнишка всхлипнул, захрипел, завозился, забил ногами по полу.

– Вижу, знакомо, – Данил, как маятником, покачал семечку за стебель. – Ты знаешь, дел мой, когда жив еще был, рассказывал, что до Начала это вполне такие безобидные растеньица были. Максимум сантиметров тридцать – сорок в высоту. Да вот вишь ты, что радиация-то сделала? Под два метра вымахали. А уж тяга к выживанию какая...

Горе-охранник продолжал извиваться и хрипеть, пытаясь скинуть Данила. Да куда там, разве выберешься из-под эдакого бугая?

– Так я это к чему... – продолжал задушевно рассуждать Данил. – В курсе ты, что с тобой будет, если я сейчас, при свете, семечку эту на тебя положу? В курсе, вижу... Ничё, я тебе красочнее распишу, чтоб ты прочувствовал. Сначала ничего не случится. Но ты не надейся. Потому как мало-мало погода из этих вот усиков – видишь усики? – корешки ма-а-ахонькие такие полезут... Я тут на тебе посижу минут пять, а за это время эти корешочки в тебя сантиметров на пятнадцать прорастут. Прямо в кишочки твои. Гы, прикинь, рифма: корешочки – в кишочки... – Данил идиотски гыгыкнул, разыгрывая наиболее уместную в данной ситуации роль эдакого безбашенного пофигиста-беспредельщика. – Или в легкие. Нет, пожалуй в кишочки, так больнее. А потом я тебя отпущу. И сколько, думаешь, ты с этой хернёй в организме проживешь? А они ведь на этом не остановятся. Расти медленнее станут, но тебе от того легче не будет. Можешь сразу брать свой пулемет и пальцем ноги на спуск нажимать. А дуло – к голове, ага. Догадливый... Потому как жить тебе останется с месяц, и с каждым днем все херовее... А больно-то как, я тебе доложу... Я знаю, как это бывает. Видел. Ну?!

– И-и-и-и-и... – пацан уже даже не хрипел, а тоскливо тянул на одной ноте. – Ни... Ни... Я все... я все... Кха, кха, кха, – поперхнулся, закашлялся.

– Вот видишь, какой молодец, – Данил одобрительно похлопал противогаз по щеке, отвел качающуюся семечку одувана в сторону. – Ну давай, бухти. Откуда караван пришел, когда, что привез, зачем? Сколько машин, сколько сопровождения, где сейчас стоят?

– Откуда и зачем не зна-а-аю, дяденька-а-а-а... – тихонько завыл воин, давась соплями. – Пришел позавчера-а-а-а... Стоит на стоя-я-я-янке... Дальне-е-е-й...

– А чё туда-то загнали?

– Овчаренко приказа-а-а-ал... Машин много, только там поместились...

– Понял. Да ты не вой, не вой. Скажешь что надо – отпущу, сдался ты мне... Твои тоже не узнают, не ссы. Сколько машин?

– Семь «Уралов» с кунгами, три «шишарика»^[26] тентованных, «коробочка» восемьдесят вторая^[27], – парень начал успокаиваться, и разбирать вой из-под резины стало легче. – «Камаз» с цистерной. Еще одна фура, «Урал». В ней шесть «квадриков»^[28]. И «Ти-и-игр»...

– Хрена се! – Данил присвистнул. – «Тигр» даже?! Какой?

– КШМ вроде... Я не разбираюсь...

– Не разбирается он... На крыше сколько люков?

– Один... И пулемет торчит...

– Ноль четырнадцатый, значит...^[29] Армейский вариант... – Данил задумался. – Хрена се, гости у вас! Че привезли?

– Не знаю... – пацан всхлипнул, но было видно, что он постепенно успокаивается. – Народу понаехало – человек пятьдесят, не знали, куда разместить. В цистерне, точно знаю, – соляра, при мне машины заправляли. В кунгах народ ехал, а вот что в «шишариках» везли – мне не доложили. Патроны, скорей всего, – ящики такие же, как у нас на складах.

– Не факт, не факт... А товар какой? Не патроны же, у вас их жопой жуй.

– Так нету торгашей. Одни вояки приехали. Все в полном боевом. Из оружия больше натовских стволов, чем наших. Броники ненашенские мелькают. И в двухслойных демронах все как один.

– В двухслойных? – удивился Данил. – Серьезные ребята... Гонишь, наверное...

– Да не вру я! Торгаши в часть и не заезжают никогда, вон напротив ворот табором встают.

А вот это и впрямь была правда. Торговцы никогда не заезжали внутрь части. Опасались, понятное дело. Вставляли на пяточке перед воротами, ставили машины в круг и торговали под защитой пулеметов. Так что здесь караульщик точно не соврал. Да и остальные сведения проверить не сложно. Легкий непринужденный шантажик – и готово...

Данил слез с пацана, уселся около дверного проема, уперся спиной в бортик.

– Все, подъем. Только руки на виду держи, а то я нервный по утрам.

Горе-охранник тоже встал, отполз в противоположный угол вышки, забился, поджав под себя ноги. Опять захлюпал – похоже, отходняк попер от пережитого стресса.

– Да ладно хлюпать-то, – Данил сунул нож в ножны, снял винтовку.

Пацан испуганно съежился, упулился на «винторез»... Ага, узнал... Раньше-то винтовка за спиной висела, видно ее не было, а в этой лохматой хламиде да в противогазе под капюшоном, разве человека разглядишь? «Винторез» – он приметный, Данил один только в округе с таким ходит, у которого на прикладе упор под щеку наставлен, да магазин на десять патронов. Прапор и Герман, у которых тоже имелись такие же машинки, предпочитали двадцатипатронные магазины от «ВАЛа»^[30].

– Дядь Добрыня, ты, что ли? – в голосе парнишки слышалось робкое облегчение. Молодой, не понимает еще, что это еще хуже, когда соседу-то слил...

– Я, я. Да не ссы, сказал, не нужен ты мне.

– Да я чё... Я ничё... А ты... Да ты бы... – слова, похоже, закончились. – Да я ж не знал, что эт ты, думал, кто со стороны!

– С какой стороны-то?

– Да мало ли... А ты – вот так... – в голосе послышалась обида. – Больно, блин! Ты бы у Прапора спросил, разве б он не сказал?

Данил хмыкнул, поглядел на часы. Пора закругляться... Посмотрел на пацана так, что тот даже сквозь стекла противогазные смысл взгляда уловил. Проникся...

– Понимал бы чего, сопля... Короче, так. Если ты соврал чего или недосказал – твои об этом разговоре узнают, понял? И Прапор – первым. Че тогда будет тебе, понимаешь?

Парень сглотнул – шантажик удался. Буркнул угрюмо:

– Понимаю...

«Да, дружок, теперь все. Теперь обратного пути нет – или отвечай перед своими, раз накосорезил, или молчи в тряпку и дальше налево сливай. Отвечать – это надо смелость большую иметь, а смелость-то мы пока в себе и не воспитали, раздолбаи мы пока. Так что,

понял уже сам, не дурак, что вся жизнь твоя дальнейшая от тебя теперь не зависит. Ничего, наука будет. Дал разок слабинку – и всю жизнь на крючке сиди, крысятничай. Мне-то твоя жизнь без надобности, а если другой кто зацепит – не слезешь...»

– Вот-вот. Так что если еще что есть сказать – милости просим.

Пацан молчал, сопел только.

– Ну, как знаешь. Лады, пойду я, пожалуй, пять доходит. А ты полежи, поспи. Ты ж у нас спать любишь... – Данил придвинулся к нему поближе, вешая «винторез» на грудь.

Знакомый, не знакомый – а меры принять надо. А то вот так уходить будешь, а у него героизм проснется. Саданет из пулемета – и клей ласты. Что жил – все зря...

Пацан слишком поздно понял, к чему это было сказано, про сон. Попытался загородиться – да куда там. Кулак сталкера жестко врезался в скулу, голова незадачливого охранника мотнулась назад, и он, обмякнув, сполз на пол. Данил выглянул из-за бортиков, огляделся. Тишина. Солнце уже поднялось над горизонтом, без минуты пять, Сашка вот-вот сигналку подорвет. Не упустить бы момент.

Сталкер перевалил через перильца, сполз, повис на руках, упираясь ногами в распорку между бревнами-основаниями. Только приготовился ждать – БА-БАХ! – со стороны заправки рвануло. Грохот, вспышка, дым – главный взрывник Убежища свою погонялку всегда оправдывал. Данил разжал руки, слегка толкаясь от распорки, сгруппировался в полете и мягко приземлился на землю. Ноги спружинили, пережат, нырок за ближайшую оградку. Затаился, осматриваясь, – тишина. Караульщики на вышках тоже наверняка затихарились, нарушителей в районе заправки высматривают. Ну и ладно, мешать не будем, уйдем тихо, по-английски, – Данил крутнулся на пузе и пополз через заросли кустарника прочь.

Глава 4

Детские годы чудесные

И настали для деда Михи дни, полные забот. На старости лет завести ребенка – тяжело... Хотя, собственно говоря, почему же на старости? Сорок семь лет – еще далеко не старик, а так... молодой дедушка. Он и не сомневался, что сможет из ребятенка настоящего мужика вырастить. Сила в руках есть, и до маразма еще далеко – а больше ничего и не нужно.

Соседи, понятное дело, не оставили. До людей к тому времени уже дошло, что сообща выживать получается успешней, чем поодиночке. Женщины навевались, помогали. Нянчили, кормили, пеленали, задницу подтирали. Особенно матушка Галина, отца Кирилла жена, зачастила. Своего-то у них тогда еще не было, Санька только спустя два года родился, а детей она любила до беспамятства. Вот и помогала, как могла. Ну и, понятное дело, кому же и крестной становиться, как не ей? Так, в три месяца, у Даньки и появилась хоть и не родная – но все же мама.

Впервые то, что радиация все-таки затронула организм внука, дед Миха понял, когда Даньке исполнился год. Уже, казалось бы, – достаточно большой ребенок для того, чтобы лысенькая головенка покрылась пусть даже редкими волосиками, однако – нет. Кожа оставалась девственно чиста, ее покрывал лишь легкий белый пушок, и в душу деда Михи постепенно начал закрадываться страх. Ночами он – не то чтобы атеист, но почти не верящий в Бога – молился. Пусть – лысый. Разве это так страшно? Вовсе нет – больше на расческах, на стрижках экономят, да и голова всегда будет в чистоте.

А ну как дальше пойдет? Вдруг со временем обнаружится, что у ребенка слабоумие? Или рак? Порок сердца, почечная недостаточность – да мало ли чего?! Однако Данька рос, а дальше лысой головы дело не шло. И дед постепенно начал успокаиваться...

Бутузик рос непоседой. В четыре месяца первый зуб, в год самостоятельно пошел, в полтора осознанно заговорил – в своем развитии он постоянно опережал сверстников. Дед порой и уследить не успевал. Отвлечется, бывало, на пару минут, перестанет глазом косить, глядишь – внучек за дверь – и чешет по коридору! Ноги не слушаются, заплетаются, пыхтит, падает... но встает – и дальше чесать. Правда, если вдруг пол в лоб ударяет – тогда, конечно, в рев. Принесет его дед Миха обратно. Только сопли вытрет, успокоит – а бутуз опять уже куда-то наострился, так на дверь глазенками и стреляет. Словом, если забыть о недавнем горе, в быту и семейной жизни все постепенно налаживалось.

Больше всего Данька любил вечера. Попозже, как до двух лет подрос, стал дед Миха работе больше времени уделять, на маму Галю внука оставлял – у нее к тому времени уже свой появился, от общественных работ освободили. Вот и сидела с обоими. То одного понянчит, покормит, то второму сопли вытрет, колготки поправит (да, тогда еще у Даньки были колготки, это потом уже, когда все колготочное хозяйство пришло в негодность, даже двухлетних пацанят в перешитые из военной формы пятнистые штанишки и курточки начали одевать). Тяжеловато, да куда ж деваться? Весь день Данька с крестной, а как вечер – так деда ждет.

Дед приходил поздно, в районе девяти. Время было тревожное, мутное – рыли шпрек до нефтебазы, народ нервничал, боялся, что раньше, чем докопаются, закончится топливо, а

вместе с ним – и воздух, поэтому все мужское население было занято на этих работах. Нужно было тянуть свет, да не времянку, а нормальное постоянное освещение. Вот дед Миха этим и занимался. Он приходил – и матушка Галина усаживала всех за стол. И его, и Даньку, и отца Кирилла. Ставила железные миски с дымящейся кашей, а сама садилась поодаль, кормить пищащего крошечного Саньку. Дед Миха с отцом Кириллом ели, неспешно беседуя о том о сем, то и дело вытирая бороды, а Данька слушал. И то, что он вот так запросто, за одним столом сидит со взрослым и уже одним своим молчаливым присутствием участвует в серьезном, солидном разговоре, наполняло пацаненка чувством собственного достоинства. Потом Данька получал от матушки Галины небольшой, литра на два, бидончик и бежал в насосный отсек к огромному титану, за кипятком – после ужина всегда долго, обстоятельно, часов до одиннадцати, пили чай из железных кружек. Прихлебывая, причмокивая, издавая все положенные в этом случае звуки. Иногда с сахаром, иногда с конфетами. Зависело от того, что выдавали утром на продскладе. С сахаром Данька чаевничать не очень любил, другое дело – с конфетой! «Мишка на севере» или, еще лучше, – «Птичье молоко». Сначала он осторожно обкусывал с конфеты шоколад, мгновенно тающий в горячем от кипятка рту, а потом, под конец стакана, зажмурившись, съедал белое или желтое желе.

После ужина, ставшего уже традицией, дед Миха забирал внука и, попрощавшись и обязательно пожелав доброй ночи, шел в свой отсек. Благо, не далеко было, на одном уровне жили. Дома он брал внука и заваливался на кровать. И начиналась вторая часть культурной вечерней программы – дед рассказывал обязательную сказку. Он их много знал – про Змея Горыныча, про Кощея, про Щуку... а когда заканчивались – либо заново начинал, либо свои выдумывал. Иногда – правда, довольно редко – рассказывал какую-нибудь поучительную историю из жизни. Конечно, старался подбирать историю со смыслом, понятным малолетке, но всегда – и в конце сказок, и в конце жизненных историй – следовала «мораль». Мораль, обычно, была простой: «добро побеждает зло», «не плюй в колодец – пригодится воды напиться», «живи и жить давай другим», «если есть возможность сделать добро – сделай». Иногда дед озвучивал ее сам, но чаще – требовал от внука, приучая его думать и доискиваться правды самостоятельно.

Наверное, именно в такие тихие, спокойные, уютные вечера Данька начинал сознательно ценить то, что его окружало. Маленький, тесноватый отсек с низким потолком, откидными полками, бетоном стен, окрашенным блеклой синей краской, металлическим рубчатым полом и толстой стальной дверью со штурвалом – таким был его родной дом. Дородная, красивая женщина с певучим голосом и добрыми глазами – это крестная. Высокий жилистый мужчина в черной рясе, с бородой, лежащей на груди, и строгим взглядом – отец Кирилл. Сверток, иногда орущий захлеб, иногда причмокивающий и гукающий, – Санька. Крепкий, коренастый, с бородой, в которой уже начали пробиваться седые волосы, в тяжелых ботинках, армейской кепке и поблекшем от многочисленных стирок пятнистом комке – дед. И плотненький, лысенький, щекастенький, частенько насупленный пацаненок – сам Данька. Ценил – и боялся. Уже тогда он начинал понимать, как хрупок окружающий его мир и как легко его разрушить. Боялся, как, наверное, боится каждый ребенок.

Страхи были глупыми, детскими, но они были, и самый большой – страх смерти. Он, потерявший в несознательном возрасте отца и мать, боялся потерять теперь и остальных, всех тех, кто был ему так дорог. То деда электричеством убивает, то взрывается титан, когда матушка Галина набирает из него воды, то маленький Санька, захлебнувшийся смесью из

бутылочки, – эти и подобные им сцены постоянно мелькали в его детском умишке. Но больше всего он боялся – боялся и ненавидел лютой ненавистью – изгнанного Паука.

Историю эту – как и то, почему у него нет отца и матери, – дед рассказал Даньке в пять лет. В тот вечер обычного ужина почему-то не получилось, да и дед с работы пришел пораньше – и Данька вцепился в него, как клещ. Дед Миха, понимавший, что рано или поздно такой вопрос задает любой ребенок, растущий без родителей, решил, что лучше рассказать сразу, не темнить и не обманывать. Пусть лучше парень узнает от него, чем от кого-то другого. К тому же, детская психика гораздо пластичней взрослой, и дед Миха, рассказывая, надеялся, что Данька, как бы серьезно он ни переживал, восстановится. Он и восстановился, но восстановление это заняло долгих десять лет. А пока – он боялся. Паук не раз приходил к нему во сне и, поглумившись, поиздевавшись над жителями Убежища, снова и снова затыкал воздуховоды вентиляционных шахт. Снова и снова Данька, всегда остававшийся единственным выжившим, бродил по сумрачным коридорам, переходам и залам жилища – а вокруг в самых разнообразных позах лежали тела... Дед, мама Галя, Санька, отец Кирилл – все, кто был ему так дорог, застыли вокруг без движения с синюшными от удушья лицами. А Паук, выныривающий временами из окружающей тьмы, безмолвно проплывал мимо него, мерзостно ухмыляясь и сжимая в руках человеческую ногу со следами зубов на ней.

Взрослея, Данил сумел постепенно избавиться от дикого страха. Вместе с ним ушли и кошмары. Но ненависть – ненависть осталась... Как-то, в более старшем возрасте, он слышал от деда, что месть – это блюдо, которое пробуют холодным, и, признаться, не понимал его. Его ненависть не могла остыть. Она лежала где-то на самом дне его души, подернутая серым пеплом, – и тлела. Казалось бы – глупо испытывать это чувство к погибшему еще до его рождения человеку, пусть даже он и был полным отморозком и сволочью. Его *уже* нет, отец *уже* отомщен, но Данилу этого было мало. Он хотел свершить правосудие сам.

* * *

Данька рано обрел самостоятельность. Ходить в детсад, которым после смерти Светы руководила Наталья Валентиновна, первая жена Родионыча, он категорически отказался – не хочу и все тут, – и дед, души не чаявший в единственном внуке, настаивать не стал. Он уже не боялся оставлять пацаненка одного – шестой год человеку. Вполне самостоятельный, разумный мужичок, хоть и шкодник. Даже матушка Галина, с недавнего времени начавшая выходить на работу, стала оставлять своего трехлетку на Даньку – Санька, следуя примеру старшего товарища, тоже начинал закатывать скандалы, едва слышал слово «садик».

В такие дни друзья – если их не привлекали на какие-то посильные детям общественные работы – просыпались вместе, в одной кровати. Валялись долго, до обеда. Болтали, играли, дрались тощими ватными подушками. Потом, быстро проглотив довольно скудный завтрак, отправлялись гулять.

Гуляли в зависимости от настроения. Если настроение было энергичным – шли к полковнику, к Робинзону, в аккумуляторную к деду, либо просто бродили по Убежищу, заглядывая во все его уголки и мешая суетливо бегающим по коридорам взрослым. Если же оно было задумчивым – бывало и такое, – то друзья отправлялись к Пиву.

Пиво держал «Тавэрну».

«Тавэрна» располагалась на третьем уровне, недалеко от Зала Совета. Почему хозяин назвал этот хоть и немаленький, но грязноватый и полутемный отсек именно так – никто не знал. Этому месту больше подошло бы название «Шарашка» или «Забегаловка». «Закусочная» на худой конец – хотя закусывать там было особо и нечем. Тем не менее, какая ни есть, а «Тавэрна» служила местом ежевечерних сборов мужского населения Убежища – за жизнь поговорить, плазму посмотреть, пропустить рюмашку-другую разбавленного...

Выдавать спирт распорядился полковник лично. Норма была – пятьдесят граммов в неделю на одного взрослого человека. Не больно-то напьешься. Однако, неизвестно, как так получилось, – сам Пиво говорил, что протащил, – но он оказался в убежище с двумя пятидесятилитровыми канистрами того же медицинского спирта. Глядя на этого здоровенного красномордого пузана, и впрямь поверишь в то, что он способен был именно что «протащить» эти канистры через толчею и свалку Того дня. Эти-то канистры и составили основы его нынешнего благосостояния. Решив, что дело это выгодное, Пиво, оглядевшись немного, открыл свою забегаловку. Выпросил у полковника отсек, доказав при этом каким-то образом, что дело он задумал нужное и общественно полезное, натащил туда стульев со всего бомбоубежища, сколотил столики... Припер бочки и сделал стойку бармена... А в задней комнате соорудил самогонный аппарат собственной конструкции, дававший после перегонки продукцию неплохой очистки и высокого градуса. Практически спирт. И теперь Пиво – барыга! – приторговывал ко всеобщему удовольствию этим спиртяшком, разбавленным один к четырем, либо один к двум. Дороговато, конечно... Одну пятидесятиграммовую рюмашку он – в зависимости от градуса – сначала отдавал за одну банку тушенки, а впоследствии за несколько патронов «пятеры» или «семеры». И охотники находились.

Пиво привлекал пацанов своей задумчивостью и философским отношением к жизни. Как утверждал он сам – он был фаталист. Данька сначала пугал с «филателистом» – значение этого слова как-то объяснил ему дед – и все искал, но не находил, где же Пиво прячет коробки с марками...

Фаталист Пиво любил потолковать о жизни. По утрам, когда клиентов в «Тавэрне» почти не было и, как он выражался, «бизнес простаивал», Пиво сидел за барной стойкой, сооруженной из больших железных бочек, и рассуждал.

– Вот ты сам подумай, – почему-то в единственном числе обращался он к сидящим напротив друзьям. – Ну как человек может быть творцом собственной судьбы, если от его копошений вообще ничего не зависит? От него не зависит ни то, что произойдет через месяц, ни то, что случится завтра, или даже то, что может произойти в следующий конкретный момент. В лучшем случае, человек может размышлять об этих вещах, радоваться им или огорчаться, раскаиваться, либо делать выводы из тех событий, что уже произошли. То, что реально произошло, человек должен просто принимать, как данное. Тут и за примером ходить недалеко, мне достаточно Тот день вспомнить. Я ж тогда к брательнику в деревню ехал – спиртяшки накануне надыбал малость, отметить захотелось. Отлил немного – и рванул. А в результате здесь оказался. И вот скажи ты мне – ну кто это за меня решил, кто так определил, что брательник мой наверху навсегда остался, а я вот тут с тобой сижу и разговариваю?..

Пацаны молчали, хлопая глазенками. Впрочем, отвечать и не требовалось – Пиво, похоже, вел извечный разговор с самим собой.

– Вот стою я тут, клиента жду. Так ведь от меня-то не зависит: придет клиент, не придет

клиент... Опять же, энто кем-то предопределено, когда вот в энту дверь первый человек войдет и стопарь закажет. А кем предопределено? Кто он – Бог, дьявол или другой какой дух? Он – действительно всезнающий и всемогущий, и потому, вероятно, он уже устроил, что все произойдет именно так, как всё произойдет, и тебе или мне, или еще кому-то, не остается ничего, что можно было бы с этим поделаться...

Туманно и длинно рассуждая о жизни, Пиво иногда нацеживал себе из трехлитрового железного бидона, стоящего под барной стойкой, «мерзавчик» и, резко выдохнув, элегантно движением, оттопырив мизинец, опрокидывал его в рот. Блаженно кричал, занюхивал кулаком и обязательно присовокуплял, что борется с радиацией.

– Я не пью, я – лечусь, – назидательным тоном говорил он пацанам, смотревшим с раскрытыми от любопытства ртами на его постепенно багровеющее лицо. – Вывожу радионуклиды. Вам еще нельзя, росточком не вышли, но как подрастете хотя бы до тринадцати – милости прошу.

Впоследствии, именно в тринадцать, Данил, любопытства ради, пробовал это лекарство. Нашел его отвратительным и на вкус, и на запах, и на последовавшие вслед за дегустацией ощущения. К тому же, спросив как-то у Айболита, правда ли то, что спирт выводит радионуклиды, выслушал длиннейшую лекцию о том, что на самом деле творит с организмом любой алкоголь и спирт в частности. Больше к этой дряни он не прикасался.

Чуть повзрослев и узнав, что фатализм – это вера в предопределённость бытия, в фатум, в неизбежность событий, которые уже запечатлены наперёд, и поразмышляв над этим, Данил начал склоняться к тому, что Пиво абсолютно не прав.

Это был целый философский вопрос. Почему, собственно говоря, он должен принимать то, что дает ему судьба, и верить в то, что все предопределено? Следуя этой теории, получалось, что можно просто сложить лапки и плыть по течению, отстраненно наблюдая за проносящимися мимо берегами. Авось вынесет куда. Можно было не бороться, а просто склониться на милость победителя. Можно никуда не стремиться – зачем, если течение жизни само отнесет и бережно положит либо на вершину, либо пренебрежительно швырнет к подножию? Такая растительная жизнь претила Данилу. Ему по духу был ближе лозунг партии эсеров, о которой он вычитал в каком-то журнале из библиотеки: «В борьбе обрешь ты право свое». Вот это – жизнь настоящего мужчины, настоящего воина! Сам того не зная, Пиво со своими «растительными» рассуждениями выступил в роли ступеньки, которая дала Данилу толчок для поисков своей собственной позиции в жизни.

Обычно пацаны сидели у Пива до обеда. Им нравилось тут все: и таинственная полутьма отсека, и поблескивающие в тусклом свете разнообразной формы бутылки в шкафчиках за барной стойкой с содержимым, различавшимся только крепостью, и загадочный блеск металлических бочек барной стойки, и сам Пиво, его зачастую непонятные рассуждения, или страшноватый, гулкий какой-то смех, такой, что они невольно засматривались на него в каком-то оцепенении... Однако к обеду, когда у Пива от «простоя бизнеса» портилось настроение и рассуждения становились вовсе уж не фаталистичными, друзья уходили. К этому времени их задумчивый настрой тоже испарялся, и они шли к деду в аккумуляторную. Впрочем – ненадолго. Задумчивый настрой всегда сменялся каким-то бурным весельем, от которого окружающие предметы нередко несли немалый урон. Едва только веселье начинало неудержимо рваться наружу, дед красноречивым жестом открывал дверь, и пацаны отправлялись восвояси. Маршрут менялся редко. После аккумуляторной – к Робинзону. Заходить в дизельную всегда было немного страшновато из-за шума работающих

агрегатов, но пацаны, каждый раз постояв перед дверью минут пять, все-таки решались. Чумазый весельчак Робинзон поил ребят чаем с прибаутками вприкуску, давал каждому по конфете и закрывал за ними дверь. После дизельной наступал черед медотсека. Айболит, если бывал свободен, мог рассказать историю – веселую, грустную или поучительную, в зависимости от настроения – или случай из врачебной практики. После рассказа обязательно следовало угощение – ребята получали по пять желтеньких кругленьких витаминок и две красненькие – и, засунув их в рот, тщательно рассасывали. Айболит всегда пристально следил, чтобы витаминки съедались полностью – сердцевина у них была горькой, и пацаны, сосав верхние сладкие слои, норовили ее выплюнуть. Внимательно проверив рты подопечных, Айболит командовал «налево – кругом!», и ребята отправлялись путешествовать дальше. После этого обычно следовал визит к полковнику – но это если время позволяло. В пять обычно возвращалась домой матушка Галина и в обмен на предоставленную самостоятельность требовала, чтоб к ее приходу ребята были за столом. На этом дневные блуждания по Убежищу заканчивались, но пацаны не унывали – завтра ждал новый день.

В те годы Убежище казалось им огромным миром, который можно было исследовать до бесконечности. Именно этим они и занимались до тех пор, пока Даньке не исполнилось шесть. На шестом году жизни этот веселый и бездельный образ жизни резко изменился. Так хорошо проводить время теперь случалось не часто – Даньку с Санькой заполучила школа.

* * *

Преподавателей было трое. Наталья Петровна – учительница географии и истории, Ирина Анатольевна – русский и английский языки, литература, и Татьяна Васильевна – физика и математика. Все – старые, опытные учителя, настоящие мастера своего дела. Обучение шло практически на пальцах – никаких учебников, пособий, справочников в Тот день никто с собой не захватил. Знали бы – набрали полные сумки. А так, что раскопали в библиотеке Убежища – невесть как попавшую туда «Географию» за седьмой-восьмой классы и истрепанный учебник физики за девятый – тем и обходились. Благо, каждая из преподавательниц была профессионалом в своем деле и материал помнила на «пять».

В Данькиной группе было еще несколько человек от шести до восьми лет: Славка, Илюха, Пашка, Тарас – и Санька. Младший не захотел расставаться со старшим товарищем и по этому поводу закатил дома такой грандиозный скандалище, что отец на следующее утро лично собрал сына и отвел его, хвостика, в школу вместе с Данькой. Так для Саньки – как для Филиппка из детского рассказика – образование и началось. На два года раньше, чем у любого другого ребенка. В четыре года он, высунув от усердия язык, так же прилежно, как и Данил, выписывал в тетради загогулилки, черточки-точки-крючочки, в пять научился читать по складам и решил свой первый пример, в шесть – выучил первое стихотворение.

Учиться было хоть и интересно, но трудновато. Оно и понятно – группа маленькая, внимание учителя не разбегается на двадцать пять – тридцать человек, как в обычном классе, а сосредоточено всего на шести-семи учениках. Потому домашнее задание приходилось учить от и до, и каждый урок обязательно опрашивались все ученики. К тому же урок шел до упора, а не строго отмеренное время. Эффект от такого обучения, понятное дело, был не в пример лучше.

К тому же, учителя не старались следовать школьной программе. Работали так, как

считали нужным, и материал подавали так, чтобы ребятам было интересно, а уроки не превращались в ежедневные мучения. Понятно ведь, что если материал интересен, то усваивается он полнее, чем во время скучного, нудного урока.

Каждый преподаватель старался привнести в процесс обучения что-то свое. К примеру, Татьяна Васильевна – старенькая, доброжелательная, немного уставшая от жизни женщина – с самого начала заинтересовала ребят, сказав, что физика – это наука об окружающем мире, о процессах и явлениях, окружающих людей в повседневной жизни. Кому ж не интересно узнать о том, что происходит вокруг? А Наталья Петровна – добрая и мягкая женщина, вечный оптимист – частенько, изложив географические сведения о той или иной стране – положение на карте, протяженность, климат и так далее, – переходила к событиям, которые происходили в стране за всю историю ее существования. Это называлось у нее «комплексным методом». А под конец урока обязательно рассказывала интересную историю. Ребята долгое время думали, что она много путешествовала, настолько живо и интересно звучали эти истории. Казалось, рассказчик был свидетелем тех событий, о которых он повествует. И только спустя долгое время, уже после окончания школы, Данил узнал – пожилая учительница не выезжала не то что из страны, а даже и за пределы области. А все интересные рассказы почерпнуты ею из книг, которых она за свою жизнь, по ее собственным словам, прочитала невероятное количество.

Ирина Анатольевна, напротив, была строгим и, пожалуй, даже суровым преподавателем. У нее на уроках, в отличие от веселых уроков истории-географии, всегда стояла оглушительная тишина. И не потому, что она этого требовала, вовсе нет. Мертвая тишина объяснялась просто – Ирина Анатольевна читала. Именно от нее Данил впервые услышал рассказы Джека Лондона о Севере. О людях, тяжким трудом добывавших средства к существованию, о смертельных опасностях, о верной дружбе, о холодной северной романтике... Данька – а с ним и Санька – был поражен и загипнотизирован Лондоном. Они раскопали в библиотеке полное собрание сочинений этого писателя и прочли его все от корки до корки. Во сне им снились суровые заснеженные просторы, реки и озера, спящие в крепких оковах льда, упряжки собак, несущих по глади рек доверху нагруженные нарты и людей в меховых одеждах с шестами в руках, правящих ими. Словом – ребята заболели Севером.

Когда в семь лет такой шустрый ребенок, каким был Данил, заболевает какой-то идеей – жди неожиданностей. И они последовали. Правда, именно эти события привели к тому, что ребята попали в руки полковника, который и помог им стать теми, кем они стали в конечном итоге, – сталкерами.

Все началось с того, что в седьмой день рождения Данил имел с дедом серьезный разговор. Говорили долго и о многом, но заключительная фраза деда запомнилась внуку особенно отчетливо. Почесывая короткий, почти весь уже седой ежик волос, дед Миха сказал:

– И вообще... Пора бы тебе подумать над тем, кто ты есть такой и зачем живешь на белом свете. Вот ты, я смотрю, Лондоном увлекся, цикл северных рассказов читаешь... А знаешь ли ты, что те люди, которых он описывает в своих книгах, имели недюжинную силу воли. Да-да! Жить на северах в тех условиях, в каких жили они, – не простое дело. Как там в книге про Смока и Малыша говорится-то?.. Про медвежатину... Помнишь?

– «В твои годы у меня была одна-единственная смена белья.

Я пас стада в Колузе. Я был крепок, как камень, и мог спать на голом камне. Я питался вяленой говядиной и медвежьим мясом», – наизусть процитировал Данил, уже понимая, куда клонит дед.

– Вот! Золотые слова! А рассказ «Мексиканец» помнишь? А «Любовь к жизни»? Ну а вот ты, например, – можешь похвастаться такой силой воли? Сомневаюсь...

Данил набычился.

– Эт чё эт не могу? Могу!

– А докажи, – хитро прищурился дед. – Силу воли надо воспитывать! Вот начнешь по утрам зарядку делать и холодной водой обливаться – поверю. А то все собираешься, собираешься... Тянешь кота, прости господи, за это самое...

Разговор закончился, а Данил еще долго размышлял над словами деда. Легко сказать – воспитывать! А как? Если с утра не то что под ледяную воду из скважины сунуться, а только подумать об этом стоит – и уже инеем покрываешься! И все-таки дед, бывший прирожденным педагогом, взял внука за живое – Данилу во что бы то ни стало захотелось доказать, что он сможет.

Первое скупывание прошло неудачно – открыв холодный кран в душевой и простояв, приплясывая и подвывая, под ледяной водой минуты три, Данька так замерз, что потом еще долго дрожал, скрючившись, и все никак не мог вытереться полотенцем. Потом, вроде, отпустило, обтерся, оделся – а вечером свалился в лихорадке с температурой. Отделался легко, ангиной, хотя мог и воспаление легких подхватить. Рос-то он, как и все детки Убежища, под землей. Без солнца, без свежего воздуха, в тепличных условиях при одной и той же комнатной температуре. Откуда ж тут иммунитету взяться? И другой бы, получив такой щелчок по носу, бросил это неблагодарное дело, да не таким был воспитанный дедом Данька. Провалился он три недели, а когда пошел на поправку, отправился поутру тайком от деда в душевую и вновь влез под душ. Однако в этот раз, наученный Айболитом, поступил правильно. Секрет был в том, чтобы чередовать ледяную и горячую воду, причем до отказа. Согреваться так, чтоб пар шел, и мерзнуть так, чтоб от холода корежило. Тогда после душа наступало такое блаженное состояние внутреннего жара, такая потрясающая бодрость во всем теле и ясность в голове, что на следующее утро обязательно хотелось повторить. И он повторил. И завтра, и послезавтра, и через неделю. Это стало чем-то вроде ежеутреннего ритуала: вскочил минут на двадцать пораньше, дернул в одних трусах в душ, облился – и весь день как огурчик. Со временем и Саньку приучил – тот ни в чем не хотел отставать от старшего товарища и соглашался терпеть ежеутренние муки с ним за компанию. Таким образом, первый этап воспитания силы воли был пройден. А вскоре последовал и второй – друзья задумали убежать.

Редко какой пацан в детстве не мечтает удрать от родителей.

В эпоху покорения Америки мечтали сбежать на Дикую территорию. Скакать верхом с винтовкой в одной руке и с томагавком в другой, сдирать скальпы с врагов, наводить ужас на племена индейцев на сотни миль вокруг. Во времена Тортуги – дернуть к пиратам. Плавать на испанском галеоне, брать на бордаж корабли купцов с трюмами, доверху наполненными бочками с золотом и драгоценными камнями, дублонами и пиастрами, сходитьсь в смертельном поединке борт против борта с кораблями короля. Неважно какого: испанского, английского, французского... Главное, чтоб звон сабель, выстрелы из мушкетов, вопли «кар-р-рамба», и чтоб обязательно – победа. Или в гражданскую – на фронт. Перепоясанным пулеметными лентами, с винтовкой в одной руке и с наганом в другой, гнать белую – или

красную, в зависимости от предпочтений – сволочь, совершать подвиги, получать ордена и медали... И потом, после победы – кто б в этом сомневался, – вернуться в родную деревню, пройти по главной улице, чтоб соседский Филька – Витька, Павка, Ванька – сгорели от зависти! Вот так и Данька с Санькой решили сбежать. На Север.

Деда Данил очень любил. Не хотелось оставлять его одного – на произвол судьбы! – но деваться некуда. Ничего, перебедует. А вскоре, может, и вовсе про Даньку забудет – дел у деда вечно невпроворот, даже с внуком как следует пообщаться не успевает. То же было и с родителями Саньки. Тот очень уж сильно вздыхал, но соглашался со старшим товарищем, что удрать совершенно необходимо. Как иначе доказать, что человек ты уже взрослый и решения можешь принимать самостоятельно?

Во-первых – и это было самое главное – придумали клятву. Как же иначе? А вдруг в пути кто-то ослабнет духом и захочет повернуть домой? Не-е-ет, на этот случай необходимо было отрезать все пути назад, сжечь мосты. Данька думал сутки. Варианта на выбор было два: «Куда один – туда и другой!» или «Ни шагу назад!». Второй вариант уж больно отдавал пафосным героизмом, и его было решено отринуть. Клятву давали ровно в полночь в туалете. Спрятались в одной из кабинок, поочередно прошептали слова, укололи иголкой палец и поставили на бумажке с клятвой инициалы. А потом торжественно сожгли официальный документ, смыв пепел в унитаз. Весь этот ритуал как бы символизировал, что их клятва воспарит с дымом и станет известна в Небесной Канцелярии и потому приобретет особую нерушимость. Настаивал на этом именно Санька, втайне боясь отстать в пути от старшего товарища, вот и решил подстраховаться. Во-вторых – припасы. Чем питаться в пути? До Севера планировали дойти за месяц. Ничуть не сомневались, что им по плечу проходить в день по тридцать (да что там тридцать – пятьдесят!) километров. Измерили расстояние по карте в старом учебнике географии. До Кольского полуострова получалось примерно полторы тысячи километров по прямой – а как же еще идти? Не выписывать же кренделя, в самом деле! Вот и Татьяна Васильевна всегда говорила, что кратчайшее расстояние между двумя точками – прямая. Значит, напрямки и пойдем. Полторы тысячи разделить на пятьдесят – получаем тридцать. Ровно месяц! А на месяц много ли нужно? Тридцать банок тушенки на брата, да килограммов десять крупы. Ну а там уж, как до Севера дойдем, охотиться будем. Там дичи много, и не шуганная она. Подходи да бери голыми руками.

В-третьих – оружие. А как же иначе? Чем защищаться от диких зверей, которые за это время расплодились на поверхности? Решили и эту проблему. Данька запланировал в ночь перед побегом стащить – как и тушенку с крупой – у деда складной нож весьма угрожающего вида, а для Саньки за два вечера этим же ножом выстругал дубинку. И еще из одной полутораметровой палки сделали копье с заостренным и обожженным на огне концом – Натальяпетровна рассказывала на уроках истории, что древние люди били такими копьями мамонтов. А мы что, хуже, что ли? Да и мамонтов-то уже нет давно. А с волками да медведями и таким оружием справимся. Способ борьбы с хищниками был вычитан в одной интересной книжке, а потому не вызывал никаких сомнений.

Справляться планировалось так. Если нападает волк, Данька – носителем копья решил стать он – выставляет его перед собой и начинает, громко крича, теснить зверя назад. Санька тем временем заходит сбоку и бьет волка дубинкой по затылку. Волк падает – дальше следует обдирание туши и выделка шкуры. Если же нападает медведь, то следовало подождать, когда зверь перед самым нападением встанет на задние лапы, и, подскочив, упереть копье в землю, а острый конец приставить прямо к груди медведя. Медведь напарывается на острие,

пронзается насквозь и подышает. Дальше – понятно. Шкуры еще понадобятся на северах. Остальных хищников – рысь, росوماху – за хищников даже не считали, беззаботно махнув на них рукой, а тигры в европейской части России не водились, это Данька специально вычитал в учебнике географии.

И, наконец, в-четвертых, – защита от радиации. Тогда еще в Убежище детям возраста Даньки о том, что творится снаружи, рассказывалось мало. Говорилось между делом, что воздух снаружи «отравлен радиацией», и не более того. Взрослые считали, что наверх малолетки выбраться все равно не смогут, – у тамбуров всегда находился человек, стоящий в суточном наряде «наблюдателя», – и потому незачем пугать детей лишний раз. И Данька, продумывая план побега, посчитал, что простого противогаза будет вполне достаточно, чтобы без проблем идти по отравленной местности. Логика, что и говорить, в этом была – раз воздух отравлен и вдыхать напрямую его нельзя, значит, нужен противогаз. А противогаз – вот он, в сумочке в шкафчике лежит. Их, в отличие от ОЗК, в Убежище пруд пруди, каждый человек обеспечен. Даже такие пацанята, как Данил с Санькой, имели свои противогазы ПДФ-ТД^[31]. Так что с чем-чем, а с защитой, как посчитали друзья, проблем нет.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Demron-W – в 2008 году компания Radiation Shield Technologies (RST) разработала передовое средство индивидуальной защиты, совмещающее в себе функции бронежилета, противохимической и противорадиационной защиты. Благодаря такой комбинации защитных функций это средство эффективно защищало от пуль, осколков, взрывных устройств, «грязных» бомб и других химических и радиационных опасностей. Demron-W состоит из нескольких слоев материалов, обладающих разными защитными свойствами. Верхний слой придает Demron-W свойства огнеупорности и химической защиты. Между слоями ткани располагается слой полимерного наноматериала, который обладает повышенными антирадиационными свойствами. Этот материал по эффективности защиты равен слою свинца толщиной в 20 см. С использованием наноматериалов построена и защита против ударных и баллистических угроз.

Демроновские костюмы уже к 2009 году выпускались в виде бронежилетов, костюмов, закрывающих все тело, герметичных скафандров, медицинских жилетов и фартуков для персонала, работающего на рентгеновских установках. Технологии Demron в настоящее время используются НАТО, НАСА, Национальной гвардией и ВМС США.

«Пятерка», «семерка» («пятера», «семера») – повседневное название патрона калибра 5,45 и 7,62 соответственно.

РПО «Рысь» – реактивный пехотный огнемет. Принят на вооружение в 1975 г. В конце 80-х РПО «Рысь» был заменён на более современный огнемет РПО-А «Шмель».

РПО «Шмель» – реактивный пехотный огнемет. Предназначен для поражения укрытых огневых точек противника, вывода из строя легкобронированной и автомобильной техники, уничтожения живой силы противника. Прицельная дальность стрельбы огнемета с диоптрическим прицелом – 200 м.

КПВ – крупнокалиберный (14,5 мм) пулемёт Владимирова. Станковый пулемёт разработки С.В. Владимирова. Разработан в 1944 году, принят на вооружение в 1949 году. Удачно сочетает в себе скорострельность станкового пулемёта с бронебойностью противотанкового ружья и предназначен для борьбы с легкобронированными целями, огневыми средствами и живой силой противника, находящейся за лёгкими укрытиями, а также в качестве зенитного пулемёта. Благодаря удачному баллистическому решению, достигнутая на практике бронепробивная способность бронебойной пули при стрельбе из КПВ на реальных тактических дистанциях порядка 500—800 м огнем КПВ обеспечивает уверенное пробитие лобовой брони и поражение основных БТР вероятного противника, включая наиболее массовый БТР М113 (США).

ВСС «Винторез» – винтовка снайперская специальная «Винторез». 9-мм бесшумная снайперская винтовка, предназначенная для вооружения подразделений специального назначения.

«Эфка» – разговорное название Ф-1, ручной противопехотной оборонительной гранаты. Граната предназначена для поражения живой силы в оборонительном бою. Из-за значительного радиуса разлёта осколков – до 200 м – метание возможно только из-за укрытия.

«Огрызок», «укорот» – народное название АКС-74У, который, как известно, имеет укороченный ствол.

ОЦ-33 «Пернач» – 9-мм автоматический пистолет. По сравнению с пистолетом Стечкина АПС имеет меньший темп стрельбы, но зато более прост и удобен в обращении. Режим стрельбы – одиночный и автоматический.

СП-5, СП-6 – серия специальных патронов калибра 9×39 мм, включающая модификации СП-5, СП-6, ПАБ-9. Патроны этих модификаций используются в ВСС «Винторез», «Вал», АК-9, ВСК-94, СР-3 «Вихрь», ОЦ-14 «Гроза» и др.

ГБР – группа быстрого реагирования.

«Гамма» – гамма-излучение, которое образуется после ядерного взрыва наряду с альфа– и бета-частицами и которое, как известно, является наиболее проникающим из этих трех излучений.

«Тарен» – производимый в Индии лекарственный препарат. Входит в комплекты военной индивидуальной аптечки АИ-1 и аптечки индивидуальной для населения АИ-2 и используется как противоядие от действия фосфорорганических соединений. Нелегальным образом используется в качестве галлюциногена, при этом не вызывает физическую либо психологическую зависимость и привыкание. С 1998 г. входит в Список психотропных веществ с ограничением оборота на территории РФ.

Комок – армейское разговорное название камуфляжа.

ЦРБ – центральная районная больница.

НСПУМ-3 – ночной прицел для ВСС «Винторез». Вес вместе с источником питания для инфракрасной подсветки – 2,1 кг.

Егоза – колючая проволока.

«Макар» – ПМ, пистолет «Макарова».

Мультитул – многофункциональный инструмент, обычно в виде складных пассатижей с полыми ручками, в которых спрятаны (с внутренней или внешней стороны) дополнительные инструменты (лезвие ножа, шило, пила, отвертка, ножницы и т. п.)

Кайенская смесь – смесь мелко перетертого, самого поганого табака, с черным перцем в пропорции 1:1. Еще СМЕРШ так боролись с собаками: либо сыпануть ей в морду, либо посыпать на землю, чтоб отбить у собачки охоту нюхать там, где не следует.

Гидратор – ёмкость для воды с приспособлением для питья, встраиваемая в рюкзак.

АК-9 построен на базе конструкции «сотой серии» автоматов Калашникова, особенностью которого стало использование специальных патронов калибра 9 мм (9х39) с дозвуковой скоростью пули (СП-5, СП-6). По устройству АК-9 в целом повторяет конструкцию автомата АК-74М, отличаясь укороченными узлами газового двигателя и ствола. Может иметь разнообразные модификации. На нем предусмотрены крепления подствольного гранатомета, лазерного прицела, тактических фонарей и так далее. На ствол автомата может устанавливаться быстросъемный прибор бесшумной и беспламенной стрельбы.

Локалка, пятно – разговорное название локального радиационного пятна, излучение в котором может превышать излучение окружающей местности в несколько порядков.

«Во фронт» – устаревшая команда, соответствующая современной команде «смирно» в армии.

«Разводящий — ко мне, остальные на месте» — согласно Уставу гарнизонной и караульной службы ВС РФ, команда, подаваемая во время смены караула, в условиях плохой видимости.

«Шишарик» – ГАЗ-66.

«Коробочка», «броня» – в армейском жаргоне так называют бронетехнику. Встречаются и отдельные названия для каждой единицы: БТР – «бэтэр», «гроб» (за схожесть форм), БРДМ – «бардак», БМП – «бэха». В данном случае, сказанное значит, что в часть пришел БТР-82.

Квадрик — квадроцикл.

ГАЗ-2330 «Тигр» – российский многоцелевой автомобиль повышенной проходимости. Основной покупатель – армия и внутренние войска. В частности ГАЗ-233014 «Тигр» – армейский вариант бронированного автомобиля.

В крыше машины имеется один большой вращающийся люк со складывающейся крышкой и кронштейны для крепления оружия. Предусмотрены места для укладки боекомплекта, реактивных противотанковых гранат типа РПГ-26, установки радиостанции и блокиратора радиоуправляемых взрывных устройств.

АС «ВАЛ» – бесшумный автомат, разработанный в климовском ЦНИИТочмаш конструкторами П. Сердюковым и В. Красниковым во второй половине 1980-х годов вместе с бесшумной снайперской винтовкой ВСС и состоящий на вооружении подразделений специального назначения России.

ПДФ-ТД – противогаз, предназначенный для защиты органов дыхания, лица и глаз детей в возрасте от 1,5 до 14—16 лет от отравляющих веществ, радиоактивной пыли и бактериальных аэрозолей, присутствующих в воздухе.